

The poster features a close-up of a woman's face with dark hair and eyes, looking directly at the viewer. Below her face is a lush tropical island with palm trees and a blue sky. The bottom half of the poster shows an underwater scene with coral reefs and a large, dark, spherical object on the seabed.

БОРА-БОРА

ДОЛгий путь ДОМОЙ

Альберто
ВАСКЕС-ФИГЕРОА

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА!

Альберто Васкес-Фигероа
Бора-Бора. Долгий путь домой
Серия «Библиотека
приключенческого романа (Рипол)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316685

А. Васкес-Фигероа. Бора-Бора. Долгий путь домой: Рипол Классик;

Москва; 2021

ISBN 978-5-386-13918-6

Аннотация

Затерянный в просторах Тихого океана маленький остров, населенный миролюбивыми полинезийцами, подвергся жестокому нападению варваров. Пришельцы из таинственных и недоступных земель принесли с собой смерть и разрушение. Жестокие северные воины забрали с собой несколько юных и прекрасных полинезинок. И среди них – девочку-принцессу, любимую дочь короля. Выжившие в кровавой бойне мужчины намерены освободить своих женщин. Они бросаются в погоню за варварами. Но на их пути встает еще одна страшная сила – Великий Океан...

Альберто Васкес-Фигероа – признанный во всем мире мастер жанра – создает блистательный приключенческий роман. В своем неповторимом стиле, через все трудности и лишения он ведет

своих героев к победе, доказывая, что в этом мире всегда побеждают мужество и вера.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

90

Альберто Васкес-Фигероа

Бора-Бора. Долгий путь домой

Alberto Vazquez-Figueroa

Bora-Bora

© Alberto Vazquez-Figueroa, 2020

© Станчук В. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

* * *

Остроконечный гребень, сделанный из кабаньих зубов, слегка коснулся плеча. Старик решительно вскинул небольшой деревянный молоточек, и Тапу Тетуануи, стиснув плотно губы и сжав кулак, приготовился доказать, что он уже стал мужчиной. Ни жестом, ни стоном он не выдаст себя, не покажет, что испытывает боль, которая станет усиливаться с каждым мгновением.

Старый татуировщик убедился, что каждая из игл точно размещена по линиям ранее тщательно нанесенного рисунка, пристально посмотрел в глаза юноши, внутренне усмех-

нулся и наконец резко ударил по длинной рукоятке из китовой кости. Белые иглы впились в кожу как раз настолько, чтобы не повредить мышцы.

Несмотря на то что юный Тапу Тетуануи готовился к этому с тех самых пор, как себя помнил, он, никогда еще не испытывавший ничего подобного, вздрогнул – его удивило, что боль была настолько сильной. Может, он просто слишком долго ждал?

Боль почти всегда появляется неожиданно, будь-то боль от падения, удара или от укола морского ежа, на которого можно случайно наступить, гуляя по лагуне. Но когда видишь, как падает колотушка, тебе кажется, что она вот-вот расколет твой затылок. И эта резкая, ранее неизведанная боль сводила с ума, из-за нее терялось чувство реальности.

Старик снова посмотрел ему в глаза. Похоже, он заранее знал, что увидит в них, так как тут же убрал гребень, окунул его в сосуд из раковины, наполненный чернилами из масла ореха *таури* и древесного угля, и провел им по следующей линии рисунка.

Тапу Тетуануи спросил себя: сможет ли он выдержать эту пытку? Но татуировщик не дал ему опомниться. Он начал снова наносить удары, непрерывно окуная гребень в краску с уверенностью человека, проделывающего подобную работу миллионы раз и знающего, что здесь времени терять нельзя.

Наконец он маленьким чистым тампоном вытер капли крови, сочившиеся из едва заметных ранок и смешивающи-

еся с черной краской, и хрипло пробормотал:

– На сегодня хватит.

– Я могу потерпеть, – возразил Тапу.

– Я знаю, – ответил тот, начиная укладывать инструменты в корзиночку из пальмовых листьев. – Кожа у тебя крепка, однако мне необходимо знать, зарубцуются ли ранки или воспалятся. Придешь через пять дней.

Юноша с растерянностью посмотрел на темное, едва больше отпечатка большого пальца пятно на плече и попытался настоять на своем, однако старик резко его оборвал.

– Я сказал, хватит, – прорычал он. – Я знаю, что делаю.

В двухстах метрах от хижины татуировщика Тату Тетуануи присел на прибрежный песок и, опершись локтем на колено, вновь посмотрел на следы, оставленные гребнем из кабаньих зубов.

По правде говоря, они не сильно продвинулись: пока это был лишь набросок будущего рисунка. Но когда он будет полностью закончен, люди, лишь взглянув на него, поймут, что Тапу родился на Бора-Бора, что он из клана Тетуануи и что он ни за что на свете не вступит ни в секту *ариои*, ни в какую другую общину подобного типа.

Тапу будет человеком свободным и независимым и на его плече когда-нибудь появится рисунок, которым украшают себя военачальники, кораблестроители, а возможно, придет день – и он станет главным мореплавателем Великого Океана, о котором будут слагать легенды...

Приближался вечер. Слабый бриз пробежал по прозрачным водам огромной лагуны скалистого острова Раиратеа, очертания которого можно было заметить на расстоянии чуть менее двадцати миль.

Понаблюдав некоторое время за рыбаком, забрасывавшим свою сеть с утеса островка Пити-уу-Таи, он встал и не спеша зашагал по удивительно белому песку пляжа¹.

Вскоре он добрался до острого мыса Матира, врезающегося в море и образующего крайнюю южную точку острова. Перейдя узенький, не более ста метров шириной, перешеек, он вышел с подветренной стороны на песчаный, удивительно белый пляж и, как это нередко бывало, удивился невообразимому спокойствию моря, защищенного в том месте от юго-восточных пассатов, дующих на Бора-Бора большую часть года. Тогда западный берег мыса Матира – особенно в последние вечерние часы – превращался в тихую заводь, куда, по преданиям, удалялся бог Таароа, чтобы поразмыслить о своих отношениях с людьми.

Изумрудно-зеленое море становилось неподвижным, и только иногда выпрыгнувшая из воды рыбка нарушала спокойствие его глади. Казалось, что по воде, отделяющей самую ближнюю точку кораллового рифа от острова, можно шагать и шагать, пройдя так не один километр.

---

¹ Я решил использовать современные названия местностей, а также знакомую всем терминологию при описании времени и расстояния, чтобы избежать возможных ошибок и разночтений. – *Примеч. авт.*

Он зашел по пояс в воду и уселся на раскрошившиеся, превратившиеся за столетия в песок кораллы, держа руку на весу так, как ему приказал татуировщик. Затем стал ждать захода солнца, давая, по совету старого, мудрого учителя, достопочтенного Хиро Таваеарии, «сердцу наполниться спокойствием».

Две пироги появились из-за мыса Рофау. Они четко вырисовывались на фоне заходящего солнца, касающегося горизонта и окрашивающего в розовый цвет вечерние облака, направляясь непосредственно в сторону мыса Матира. Хотя восемь гребцов и работали веслами изо всех сил, делали они это абсолютно тихо, не потревожив неосторожным движением безмятежную морскую гладь. Для них будто было важнее не выиграть импровизированную гонку, а сделать так, чтобы в стремительно сгущающихся сумерках никто не смог обнаружить их присутствия.

Дойдя до крайней южной точки острова, они развернулись, и теперь можно было различить голоса и смех, среди которых Тапу распознал зычный голос своего друга Чиме, Гиганта из Фарепити, которого никому не удавалось победить в борьбе или обогнать на лодке.

Когда пироги скрылись за мысом Рофау и снова исчезли из виду, а солнце, блеснув последним зеленоватым лучом, скрылось за горизонтом, Тапу Тетуануи вышел из воды и зашагал по широкой тропе, ведущей к дому красавицы Майаны.

Он предпочел прийти к ней затемно, чтобы девушка не могла увидеть его первой татуировки, так как обычно она привыкла заниматься любовью с парнями, чьи тела были полностью покрыты привлекающими внимание рисунками. Он боялся, что она просто посмеется над крошечным, словно засиженным мухами пятном.

В который раз он задавал себе вопрос: примет ли нежная Майана предложение стать его женой? И в который раз он вспомнил ее ответ, когда он сделал это впервые.

– Откуда я могу знать, подходишь ты мне или нет, если я еще не познала всех холостяков острова? – нашептывала она, даря ему свою пленительную улыбку. – Ты мне очень нравишься, но, прежде чем избрать тебя, я должна быть уверена, что ты самый достойный и никого лучше я уже не найду.

Тапу Тетуануи гордился тем, что женщина, на которую он претендовал, имела такой успех и большинство женихов острова выстраивались в очередь, чтобы переспать с ней – верный признак того, что она действительно была хороша. Но иногда, когда он видел, как она скрывается в зарослях в компании одного из претендентов, у него во рту появлялся горький привкус и он чувствовал себя глубоко несчастным.

– Это всего лишь ревность, – упрекал его учитель, достопочтенный Хиро Таваеарии. – Это чувство не достойно юноши твоего возраста. Майана имеет право искать свое счастье, подбирая себе пару так же, как и ты себе. Когда она решит создать семью, она будет обязана быть верной до самой смер-

ти, но, прежде чем этот день настанет, каждый из вас является единственным хозяином своего тела.

– Но ведь я ее люблю, – взмолился Тапу.

– Может, ты думаешь, что это обязывает ее любить тебя? – последовал вопрос. – Ты слишком рано обнаружил, что Майана тебе доставляет больше удовольствия, чем какая-либо другая девушка. Однако это не дает тебе права требовать от нее поспешного решения. Посмотри на свое мужское достоинство. Когда ты возбужден, он прям и тверд, он почти сияет. А теперь загляни внутрь женщины: там темно, глубоко, там множество закоулков. – Он с многозначительным видом положил руку на голову юноши. – Вот так же и ее чувства. Они значительно сложнее, и тебе придется подождать, пока она не откроет тебе свои тайны. Но если наконец она решится, то решение ее будет единственно верным и окончательным.

– И что же я должен делать?

– Ждать!

– Но тогда как я смогу превзойти такого соперника, как великан Чиме? Или такого, как смельчак Ветеа Пито, который уже стал одним из лучших ныряльщиков архипелага?

– Если ты боишься лишь того, что Майану смогут привлечь гигантское мужское достоинство или дорогая жемчужина, это означает, сын мой, что твой выбор ошибочен. И самое неприятное, что может произойти, – она тебя отвергнет. Любовь, которая приносит миру детей, должна быть вы-

ше размеров мужского достоинства и стоимости драгоценных жемчужин.

Когда Тапу Тетуануи сажился на циновку на галерее хижины своего наставника, он всегда удивлялся его мудрости и собирался претворить в жизнь большинство его советов. Но когда он оказывался рядом с домом своей возлюбленной и начинал улавливать ее неповторимый аромат, при одной только мысли, что он будет обладать ею, все его тело начинало дрожать. А потом «постыдное чувство ревности» снова овладевало его душой, и он был готов проломить тяжелым камнем голову каждому, кто в этот момент окажется рядом с Майаной.

В конце концов он их застал. Они стонали и перешептывались, смеялись и ласкали друг друга именно на том месте, куда она приводила его, – под раскидистой *пурой* с переплетенными ветвями, растущей в четырех шагах от ласкового моря. Он видел, как потом они пошли купаться туда, где ему нравилось подсматривать за страстными любовниками.

«Кто же это мог быть?»

Он устыдился своего постыдного интереса, а еще больше устыдился того, что спрятался за стволом пальмы и шпионил за парочкой, которая была вольна развлекаться так, как душе будет угодно. Такое унижительное поведение заслуживало самого строгого наказания.

Тапу круто развернулся и ушел подальше, решив подняться по склону холма, чтобы только не слышать их хихиканий

и вздохов.

К счастью, когда он достиг вершины, наступила ночь, и на небе начали появляться первые звезды.

То было время, когда каждый из полинезийских мальчишек, мечтающий кем-то стать в этой жизни, должен был выбрать укромное местечко и посвятить пару ночей изучению звезд, запоминая места их расположения в определенный час.

Тапу Тетуануи не мог знать, ибо никто из его окружения по-настоящему не в состоянии был объяснить, почему эта часть неба была более всего усыпана звездами. Да потому, что на самом деле небосвод южной части Тихого океана не шел ни в какое сравнение с небосводом Северного полушария, напоминавшим унылую полупустыню.

Он удобно уселся на вершине и стал наблюдать за мириадами мерцавших над головой звезд, во многих местах собиравшихся в гигантские, плотные, хорошо различимые массы, формирующие новые галактики.

После многих лет наблюдений он хорошо научился различать большие звезды, а также некоторые созвездия, каждую ночь перемещающиеся по небу над его островом. Он был уверен, что недалек тот час – надо только проявить упорство, – когда он сможет показать, в какой точке небосвода они будут находиться в то или иное время суток, день и месяц.

Но когда настанет этот час – если только он настанет! –

он вправе будет претендовать на то, чтобы называться великим навигатором. И тогда Майана ни секунды не будет сомневаться в том, кого следует выбрать в мужа, ибо ни одна здравомыслящая девушка не устоит перед соблазном стать женой морехода.

Короли становятся королями по праву наследия. Мудрецы становятся мудрецами, посвятив всю свою жизнь наукам, силачи становятся силачами лишь потому, что так при их рождении захотела природа. Но великий навигатор – это больше чем король, мудрец или силач. В мире, наполненном необозримым водным пространством и утыканном маленькими островками, тот, кто не покорит океан, должен будет довольствоваться королевским титулом, будучи правителем одного из скалистых островов; или станет мудрецом среди глупцов, или гигантом среди карликов.

Для Тапу Тетуануи, так же как и для большинства юношей его возраста, не было другого человека, чья слава могла бы сравниться с легендарным Мити Матаи². Он получил столь звучное прозвище за то, что был единственным из членов экспедиции, предпринятой на юг двадцать три года назад, кто остался в живых. Страшный шторм унес их далеко за Пятый Круг, туда, где вода становилась твердой, превращаясь в огромные белые острова.

Все его товарищи в том путешествии погибли, но Мити

---

² Это имя можно перевести как Ветреное Море, а возможно и Морской Ветер. – *Примеч. авт.*

Матаи удалось победить холод, голод и ураганные ветры; он вновь взял курс на север и, пройдя шесть тысяч миль, отыскал в огромном океане свой маленький остров.

А дело в том, что, несмотря на свою молодость, Мити Матаи к тому времени уже стал великим мореплавателем. Своим удивительным подвигом он доказал, что человек, которого однажды называли великим мореплавателем, – поистине человек достойный и всегда знает, что делать...

С наступлением глубокой ночи звезды предстали во всей своей красе. Было начало октября, и воздух казался прозрачным, не таким, как обычно.

Тапу пришлось немало подождать, прежде чем настанет долгожданный месяц и татуировщик примется за работу над его телом. А все потому, что настоящие татуировщики работали лишь в период с октября по январь. И дело было не в каком-то суеверии, а в том, что в эту пору раны реже всего воспалялись.

– Все это из-за мух, – объяснил юноше его учитель, Хиро Таваеарии. – Они садятся на надрезы и заражают их, откладывая туда свои личинки. Поэтому, когда в начале октября начинаются дожди и почти все мухи с комарами исчезают, наступает время татуировок. – Старик легонько подергал парня за ухо. – Потерпи, – добавил он, улыбнувшись. – Все сбудется!

Тапу набрался терпения и почти полгода приносил татуировщику самых хороших рыб из лагуны и самые вкусные

фрукты из сада своей матери, в надежде на то, что, когда наконец настанет октябрь, старик украсит его грудь удивительными, не похожими ни на какие другие рисунками, которые всех поразят и пробудят самые потаенные чувства Майаны. Но когда он дождался этого момента, то оказалось, что вместо рисунка на всю грудь у него на руке красовалось несколько десятков точек, похожих на те, что насиживают мухи. А он-то так надеялся!

Вдобавок ко всему девушка, которую он обожал, предавалась любовным утехам с другими.

Тапу чувствовал себя глубоко несчастным и искал утешения в звездах. Они были единственными, кто мог бы сейчас его успокоить.

По времени он определил, что вскоре Туа – созвездье Рака – начнет подниматься над линией горизонта, как раз в трех румбах севернее виднеющегося вдаль Тааа, что был братом острову Раиратеа.

Вначале должны были взойти две небольшие звезды, образующие кончики клешней, а затем подняться вся сияющая, образованная спутанными друг с другом звездами масса, в которой несколько столетий назад кто-то, следуя капризу своего воображения, рассмотрел силуэт рака.

Однако самым важным во всем этом было то, что, когда созвездие Рака в летние месяцы пройдет четвертую часть своего пути над горизонтом, задние лапы небесного чудовища точно будут указывать на восток.

Тапу спокойно ждал, уверенный, что скоро Крючок Мауи – Скорпион – появится на небосклоне именно в том месте, куда был устремлен его взгляд. Но вместо этого он увидел возникший из ниоткуда массивный силуэт, надвигающийся на него, будто тень из потустороннего мира. Таинственное существо двигалось бесшумно: ни хруст ветки под ногами, ни шелест задетого листа не выдавали его присутствия.

Его легко можно было спутать с ползущей по небу тучей или с вдруг выросшей перед юношей горой. Но приглядевшись, Тапу понял – перед ним человек. И человек этот был значительно крупнее тех, кого Тапу Тетуануи встречал за всю свою недолгую еще жизнь.

– Чиме?.. – прошептал он, подумав, что здоровяк, Гигант из Фарепити, направляется туда же, где недавно был он сам, стремясь провести ночь в любовных утехах с нежной Майаной и заранее зная, что проиграет более удачливым соперникам. – Это ты, Чиме?..

Вместо ответа раздалось рычание. Таинственное существо молча шагнуло вперед и, вскинув здоровенную булаву, изо всех сил опустило ее на юношу. Тапу едва увернулся, заметив, как булава, просвистев мимо его уха, врезалась в ствол *пандануса*³, на который он опирался, и разломила его,

---

³ Панданус – древовидное растение с разветвленными стволами высотой 10–15 м, которое культивируется в тропиках ради съедобных плодов и волокнистых листьев, используемых для плетения различных изделий, в том числе корзин. От нижней части ствола и ветвей отходят придаточные корни. Иногда нижняя часть ствола пандануса отмирает и растение держится исключительно на корнях, как

будто обыкновенный бамбук. Не увернись Тапу, и голова его раскололась бы как орех.

Тапу Тетуануи был невысок и пока не отличался физической силой. Но он был ловок и быстр, как рыба в воде, и, прежде чем неизвестный, опомнившись, вновь занес дубину, он резко вскочил на ноги.

Они попытались рассмотреть друг друга при тусклом свете звезд. Но было ясно и так, что схватка их, свидетелями которой должны были стать одни лишь звезды, будет неравной. Нападающий превосходил безоружного Тапу и ростом, и силой.

Тапу это понял сразу, и, хотя от охватившего его страха у него затряслись колени и перехватило дыхание, он увернулся от нового удара и по хорошо знакомой узенькой тропинке что есть духу припустился вниз по склону.

Человек-гора, рыча, ринулся следом. Перепуганный Тапу удивился, что этот громила столь же быстр и столь же ловок, как и он сам, невысокий и худой.

От страха у Тапу будто выросли крылья. Он осознавал, что спасет его только скорость. Несмотря на то что Тапу Тетуануи отлично знал здесь каждый кустик, он понимал: спрятаться от постоянно размахивающего дубиной и готового в любую секунду разmozжить ему голову преследователя шансов очень мало.

Что же он такого сделал и кто был тот безумец, который

так отчаянно пытался убить его?

Однако у мчащегося вниз с холма, охваченного страхом Тапу не было возможности ни задать себе подобного вопроса, ни ответить на него. В голове его лихорадочно крутились мысли – и наконец решение было принято.

Он направился к ветвистому, с толстым стволом *аито* – именно на этом месте тропа, огибая глубокий овраг, резко поворачивает влево. Понимая, что рискует сорваться, Тапу, тем не менее, устремился к нему.

В последнее мгновение ухватившись за ствол дерева, он прижался к земле и лишь потом сообразил, что его преследователь пронесся мимо и теперь, вопя от ужаса, продолжает бег уже над пустотой.

Затем послышался глухой удар и наступила тишина.

Прежде чем с трудом подняться и оглядеться в поисках своего врага, Тапу еще несколько минут лежал, ухватившись за ствол, в ожидании, когда восстановится дыхание и пройдет дрожь в коленках.

Казалось, что в мире вновь воцарились покой и гармония.

Небо по-прежнему было усыпано яркими звездами, однако свет их до дна расщелины не достигал. Оттуда не доносилось ни звука, и было не ясно – жив или нет нападавший?

Когда Тапу окончательно пришел в себя, он отыскал сухую ветку, переломил ее надвое и принялся усердно тереть, слегка дуя на маленький, чудом появившийся, огонь. Затем поднес его к сухим пучкам травы и, дав разгореться,

сбросил их вниз.

Огненный шар, крутясь, опустился на шесть-семь метров вниз, и, пока он недолго продолжал гореть, Тапу Тетуануи успел рассмотреть окровавленную, похожую на ворох лохмотьев фигуру великана, распластавшегося на земле.

Тот лежал без движения, но Тапу почему-то был уверен, что он жив.

Юноша сломал еще три ветки, скрутил их друг с другом, сделав факел, и, подсвечивая себе, отыскивал наиболее удобное место для спуска.

Незнакомец дышал.

Похоже, что у него было сломано несколько ребер, на голове зияла большая рана. Тапу не обладал познаниями в медицине, подобно уважаемому Хини Тефаатау, однако понял сразу, что сильный удар при падении для подобного гиганта не смертелен.

Тапу Тетуануи тщательно осмотрел его.

Перед ним лежало никогда ранее им не виданное страшное лицо. Оно вызывало ужас не только своим ростом и физической силой; при взгляде на его татуировку, покрывающую каждый сантиметр тела от лба до щиколоток, кровь стыла в жилах.

В этой татуировке ничего не напоминало те красивые рисунки, которые украшали тела взрослых жителей родного острова Тапу и даже Раиратеа или Таити и которыми он так восхищался. Она вся состояла из, казалось бы, бессмыслен-

но перепутанных значков, находившихся в абсолютной дисгармонии с красотой человеческого тела.

Откуда же появилось это чудовище?

Почему оно пробиралось ночью тайком, пытаясь покончить с каждым, кто окажется на его пути?

Может быть, это был один из тех страшных людоедов, которые совершали набеги, приплывая с далеких островов с одной-единственной целью – пополнить запасы провизии аппетитным человеческим мясом?

При одной только мысли о том, что ему могло и не повезти, Тапу содрогнулся. Кто знает, вероятно, в этом случае он уже был бы подан на ужин подобному пугалу? Но тут он услышал едва слышимый стон и отскочил в сторону, будто наступил на спинной плавник *но'у* – ядовитой рыбы-камень, что всегда была его злейшим врагом.

От одной мысли, что это животное может подняться на ноги, его охватил леденящий душу ужас.

Пока факел медленно догорал, Тапу стоял не шевелясь. Но вот стон повторился, и тело незнакомца дрогнуло – Тапу решил, что его недруг вот-вот придет в сознание. Недолго думая, он схватил валявшуюся в пяти-шести метрах в стороне тяжелую булаву и с замиранием сердца изо всех сил ударил ею по левой ноге раненого.

Послышался пугающий хруст ломающихся костей. Гигант зарычал от боли и тут же вновь потерял сознание.

Теперь уж Тапу был абсолютно уверен в том, что чудови-

ще никогда уже не сможет догнать его. Он подальше отбросил булаву и, все еще дрожа всем телом, помчался домой.

С трудом пробираясь по дну оврага, подсвечивая себе факелами, поджигаемыми друг от друга по мере того, как первые догорали, он выбежал на пляж и уже было полностью пришел в себя... Но когда он вышел из-за поворота и перед ним во всей красе открылась бухта Поваи, сердце его вновь пропустило удар: родное селение было объято пламенем.

Горело более десятка жилищ. Горели, словно факелы, вытасченные на песчаный берег большие пироги. Неистовое пламя освещало и горы, и море, а на его фоне из стороны в сторону метались темные фигурки людей, пытавшихся остановить стремительно распространяющийся огонь.

Вдалеке четыре огромных катамарана с высоко задранными кормами выходили в открытое море, и охваченный ужасом Тапу Тетуануи тут же догадался, что его недруг вовсе не пришелец с другой планеты и не чудовище, восставшее из земных недр, а, скорее всего, один из шайки дикарей, что коварно напали на его мирный остров.

Он бросился на берег, чтобы помочь столкнуть в воду те пироги, которые можно было еще спасти, безуспешно пытаюсь погасить огонь, чтобы потом присоединиться к тем, кто боролся с пламенем, охватившим кровлю Великого марае⁴,

---

⁴ Марае – площадка для проведения ритуальных церемоний, окруженная мегалитами. – *Примеч. ред.*

дабы оно не уничтожило полностью прекрасный храм, так много значивший для его соплеменников.

То была ночь печали, ночь ужаса, которая навсегда останется в памяти жителей Бора-Бора, то была ночь, когда приплывшие на остров изверги убили девятерых мужчин, среди которых оказались и храбрый правитель Памау, и старый Та'уа – верховный жрец. Они похитили одиннадцать девушек, включая молоденькую принцессу Ануануа, и прихватили с собой большой пояс из желтых перьев – символ королевской власти, а также Великую Черную Жемчужину, самую большую из всех, когда-либо найденных в Тихом океане.

А если к этому добавить сожженные пироги и превращенные в пепел жилища, то получалось, что нападавшие в своей жестокости менее чем за час уничтожили самое ценное из того, что было на Бора-Бора.

Над опустошенным островом разливался кровавый рассвет. Жители оплакивали своих родичей. Когда солнце поднялось настолько, что позволило зорким впередсмотрящим разглядеть линию горизонта, от пирог врагов не осталось и следа.

Они налетели как тайфун и были подобны не оставляющим следа призракам. Хотя Тапу Тетуануи и был рад тому, что его дому и семье злодеи не причинили вреда, эта радость не уменьшила возрастающей в нем глухой ярости и не ослабила чувства горького бессилия.

С наступлением вечера он без обычных церемоний хоро-

нил погибших. На острове не осталось ни одной достойной пироги, в которую можно было бы положить тела и отпустить их в море, где бы бог Таароа занялся душами погибших. И это оказалось самым большим оскорблением, когда-либо нанесенным правителю Памау, который, будучи великим воином Полинезии, всегда мечтал о подобающей его статусу торжественной похоронной процессии.

Когда люди наконец собрались на дымящихся руинах маре, наступила ночь. Было очевидно, никто не имел ни малейшего представления о том, что следует делать дальше и с чего начинать восстановление поселения.

Памау мертв. Его единственная дочь, Ануануа, чье имя означает Радуга, без сомнения, являлась законной наследницей престола. И если бы принцессу не похитили, то ей, еще не достигший двенадцатилетнего возраста, пришлось бы решать судьбу островитян. Скорее всего, она бы передала бразды правления выбранному ею самой человеку до тех пор, пока она не почувствовала бы в себе силы занять место отца.

Ее мать, Тара, всегда была женщиной слабой и застенчивой и в это тяжелое время от нее было мало толку. Более того, она с трудом осознавала происходящее и отказывалась понимать, что в течение одной ночи потеряла все. Единственное, что ей оставалось, – рыдать по дочери и мужу.

– Мы должны назначить временного правителя, – наконец заговорил старый Хиро Таваеарии, высказав тем самым общее мнение. – И я предлагаю назначить на этот пост главно-

го мореплавателя – Мити Матаи.

– Премного тебе благодарен, – без смущения ответил тот. – Однако я не могу согласиться, так как являюсь человеком моря, которому земные проблемы чужды. Моя миссия – найти и наказать убийц, привезти назад принцессу, но пока она не возвратится, ты, мудрейший среди мудрых, должен взвалить на свои плечи груз власти.

– Я слишком стар.

– Мудрость приходит со временем, у тебя же, судя по твоим морщинам, было достаточно времени, чтобы сполна овладеть ею.

Все присутствующие согласились, что Хиро Таваеарии был именно тем человеком, который мог решить, какие действия необходимо предпринять в этот страшный час. Тапу Тетуануи, слушавший разговоры взрослых за стенами Великого марае, почувствовал гордость за своего любимого учителя, который был единогласно признан самым мудрым человеком острова.

– Первое, что необходимо сделать, это восстановить пироги, которые еще можно использовать, и построить новые взамен сгоревших, – начал Хиро Таваеарии, казалось мало придававший значения тому, что буквально в считанные минуты стал самым главным человеком на Бора-Бора. – Народ без пирог все время будет в руках своих врагов. Затем нам нужно выяснить, откуда прибыли эти дикари.

– Но как? – полюбопытствовал Роонуи-Роонуи, который

только что был объявлен самым мужественным воином острова. – Море очень большое.

– Не имею ни малейшего представления, – последовал честный ответ. – Кто-нибудь сталкивался лицом к лицу с этими убийцами?

– Я!

Все повернули головы в сторону Тапу Тетуануи. Было очевидно, что большинство взрослых почувствовали себя оскорбленными тем, что какой-то юнец осмелился вмешаться в ход их совещания. Хиро Таваеарии строго посмотрел на Тапу.

– Помолчи, имей уважение к старшим! – с несвойственной ему жесткостью приказал старик.

– Но ведь это правда... Я...

– Замолчи!

Громовой голос и слава Роонуи-Роонуи были способны внушить страх и не таким смельчакам, поэтому ныряльщик Ветеа Пито сильно ткнул Тапу локтем в бок, заставив его закрыть рот.

– Прикуси язык, иначе этот зверь прикончит тебя, – посоветовал он. – Видишь, он зол как тысяча чертей.

От охватившего его чувства бессилия у юноши едва не полились слезы, однако нечеловеческим усилием он взял себя в руки, развернулся и потащил за собой упирающегося друга к дымящимся каркасам пирога.

– Идем со мной! – попросил он. – По дороге я кое-что

расскажу тебе.

Когда Тапу закончил свой рассказ, Ветеа Пито пристально посмотрел ему в глаза и, не веря услышанному, спросил:

– Неужели ты говоришь правду?

– Правду?! – воскликнул Тапу. – Я ему чуть не размозил голову! Это был огромный человек, весь покрытый татуировкой.

– Татуировкой? – переспросил Пито. – И что это за татуировка?

– Страшная! Такой я раньше не видел. И череп у него бритый, за исключением двух торчащих сзади хвостиков, похожих на культы. Я в овраге его оставил.

– Он что, не убрался с другими?

– Это невозможно! Он без сознания.

– Что же он делал так далеко от селения?

– Возможно, это был разведчик, – предположил Тапу.

– В этом случае у него где-то должна быть спрятана пирога, – заметил его друг. – Наверное, он уже скрылся на ней.

– Когда? В течение дня ни одна пирога не пересекла лагуну, и ты это знаешь. Наблюдатели никого не заметили. А потом, каким бы сильным он ни был, но со сломанной ногой ему понадобится немало времени, чтобы выбраться из оврага. Он еще на острове! – добавил Тапу. – Клянусь головой!

Задорная искорка промелькнула в темных глазах Ветеа Пито.

– Было бы здорово, если бы нам удалось захватить его, –

заметил он. – Живой враг, который мог бы рассказать, откуда прибыл...

– А мы бы превратились в героев...

– Как только рассветет, пойдем за ним.

– А если он ночью удерет?

Нырлящик Ветеа какое-то время поразмышлял над подобной возможностью и наконец, кажется, нашел решение.

– На другой стороне острова остались маленькие пироги.

На них мы можем попеременно нести дежурство, – сказал он. – Если попытается удрать, мы его перехватим, а если нет, то с первыми лучами солнца пойдем к оврагу.

– Только вдвоем?

– Разделенная слава – не слава, – возразил, улыбаясь, Ветеа.

– Однако неразделенное поражение является еще бóльшим поражением, – не унимался Тапу. – Главное схватить его. Расскажем об этом Чиме?..

Гигант из Фарепити от всего сердца поблагодарил за предоставленную ему возможность участвовать в таком захватывающем мероприятии и взялся отыскать пирогу, на которой они бы смогли закрыть пролив Теаватуи.

Остальная часть острова была полностью окружена барьерным рифом, через который человеку со сломанной ногой было абсолютно невозможно перетащить пирогу. А если бы и удалось, то крутые волны, накатывающие из открытого океана, разбили бы ее в щепки.

Для того, кто не родился на острове и не был знаком с узенькими проходами, через которые могло бы пройти лишь маленькое каноэ – и то днем, – из Бора-Бора был только один выход, и молодые люди готовы были решительно защищать его даже ценою своих собственных жизней.

Тапу Тетуануи и Ветеа Пито прихватили оружие, запаслись водой и провиантом, и, когда наступила глубокая ночь, Чиме подобрал их на мысу Пунта Патиуа, чтобы, не торопясь, преодолеть два километра, отделяющих их от прохода.

То была длинная и темная ночь, которая должна была запомниться юношам навсегда. Мощные волны раз за разом отбрасывали лодчонку обратно в лагуну, однако сидящие в ней друзья выгребали снова и снова, стараясь удержать каноэ посередине канала шириной около двухсот метров таким образом, чтобы даже ловкий пловец не смог преодолеть его незамеченным.

Тапу Тетуануи и его друзья уже более тридцати часов не смыкали глаз, однако были начеку, соблюдая полную тишину, в любой момент готовые с яростью наброситься на бесстию, как только он покажется.

Но он не появился.

Мириады звезд, усыпавшие небо, мерцали над ними, и они в который раз остановились, рассматривая и изучая их перемещение, чтобы навсегда оставить в своей памяти звездную карту. И когда Великой Одинокой Даме – созвездие Девы – оставалось всего лишь три пальца, чтобы опуститься за

горизонт, они уже были полностью уверены, что грозный дикарь не появится, так как вскоре утренний рассвет уберет с небосвода те звезды, которые не успели вовремя скрыться.

– Что теперь будем делать? – спросил разочарованно Чиме, когда с первыми лучами солнца они стали различать лица друг друга.

– Пойдем за ним.

– Не поспавши?

– Успеешь выспаться, у тебя еще вся жизнь впереди, – прервал его Тапу. – Я, пока не скручу это грязное животное, ни на минуту не прилягу. Так что вперед!

И они поплыли прямо к мысу Рофау, вытащили каноэ на берег в пятистах метрах от дома Майаны и зашагали через густую поросль оврага, пока не увидели толстый *авто*, указывающий на поворот.

– Здесь он свалился! – произнес возбужденно Тапу Тетуануи, показывая на скалу. – Вот здесь следы крови. Поищем булаву. Я ее закинул вон в те кусты.

Уже при свете дня они удостоверились, что речь шла не об обычном оружии, сработанном то ли из твердой древесины, то ли из китовой кости. Такой булавы они никогда не видели. Кроме вырезанных на ней странных рисунков, на ее конце были два внушительных выступа, характерных для бедренной кости. Вот только животное, чья кость была использована при изготовлении булавы, было поистине огромным. Что это мог быть за зверь, друзья не знали.

– Кость! – Наконец убедился и сам Тапу Тетуануи, слегка поцарапав булаву ножом из акульего зуба. – Но не китовая. Похоже, что из ноги кабана, только огромного.

При одной только мысли, что человекоподобная тварь прибыла из мест, где водятся гигантские кабаны, чьи кости достигают подобных размеров, молодые люди почувствовали себя неуютно.

С нескрываемым страхом они посматривали на густые заросли в самой глубокой части оврага.

– А если он не один? – спросил своих притихших друзей Ветеа Пито.

– Нас же трое, – самоуверенно возразил Чиме. – Я пока еще никого не знаю, кто мог бы справиться со мной. Думаю, что и этому чудовищу меня не одолеть.

Он взмахнул тяжелой палицей, будто это была легенькая *пау-пау*, и решительно начал взбираться вверх, внимательно присматриваясь к следам, оставленным раненым: к пятнам крови, сломанным веткам, сдвинутым камням и отпечаткам ступней на влажном мягком грунте.

Тапу Тетуануи и Ветеа Пито в нерешительности последовали за ним. Первый постоянно оглядывался по сторонам, опасаясь, что страшный великан, чуть не убивший его, может в любой момент наброситься на них из густых зарослей.

Не было сомнений, что речь шла о человеке необычайной силы, как физической, так и душевной, ведь, будучи раненым, со сломанной ногой, он все же сумел вскарабкаться

вверх по склону, опоясывающему остров, и он даже продолжил подниматься на вершину горы Отеману.

Им удалось обнаружить великана, когда тот попытался спрятаться между скал. Стоило только друзьям приблизиться к нему, как он начал рычать, словно загнанный зверь, швырять в них камнями и ругаться на непонятном им языке.

Покрытый грязью, израненный и с болтающейся ногой, он должен был бы являть собой жалкое зрелище, однако угрожающее выражение лица, гнев во взгляде и особенно ужасающе отвратительная татуировка, покрывающая все его тело, пугали и делали его похожим на поднявшееся из самого ада существо.

От межбровья, вверх по лбу, расходясь в разные стороны, поднимались две полосы, чтобы затем опуститься по щекам и образовать завитую спираль в виде ракушки. Множество темно красных кругов были нанесены вокруг губ и покрывали почти весь подбородок. А когда великан скалился и показывал свои острые желтые зубы, его вид становился поистине дьявольским.

Все трое были напуганы не на шутку. И хотя крепко сжимавший в руке булаву Чиме из Фарепити мог сравняться с раненым и ростом, и могучим телом, также почти полностью покрытым татуировкой, при одном взгляде на него становилось понятно, что парень в считанные минуты проиграет столь яростному недругу.

Ну а Тапу Тетуануи и Ветеа Пито дикарь был способен в

мгновение ока перекусить горло.

Они стояли метрах в двадцати от чудовища и, не решаясь подойти ближе, смотрели на него, гадая, что делать дальше. Первым решил высказаться Ветеа Пито:

– Я думаю, нам нужно позвать подмогу.

– Подмогу? – удивился Тапу. – Мы что, дети, которым нужна помощь, чтобы вытащить акулу из воды? Да стоит нам только попросить помощи, сразу станем посмешищем до конца своих дней! – подытожил он. – Мы сами потащим его.

– Как?

Юноша засомневался. Посмотрел на не менее растерянного Чиме: перед ним стоял мучительный выбор – остаться на месте или отважно броситься вперед. И тут Тапу, невзирая на охвативший его страх, наконец размотал свою длинную пращу, отыскал камень потяжелее и приготовился его метнуть.

Чудовище, кажется, почувствовало надвигающуюся опасность и зарычало еще сильнее, но Тапу на этот раз уже не сомневался. Он изо всех сил раскрутил пращу, прицелился и метнул камень.

Воинственный чужак попытался было кинуться на них. Однако он едва мог стоять на ногах, опираясь о скалу. С четвертой попытки тяжеленный камень угодил ему прямо в лицо, и, вскрикнув от боли, великан повалился на спину.

Чиме поднял булаву и тут же бросился к нему, но Ветеа Пито резко крикнул:

– Не убивай его! Не убивай! Он единственный, кто может сказать, откуда они прибыли.

Гигант из Фарепити повиновался, но все же слегка стукнул жертву по голове, после чего чужак все-таки потерял сознание. Когда стало ясно, что ужасный великан не в состоянии встать и накинуться на них, юноши закружились вокруг него в танце, сбрасывая нервное напряжение, в котором находились до сих пор.

Наконец утомившись, они с повышенным интересом принялись разглядывать чужака.

– Откуда же он прибыл? – выражая общее любопытство, спросил Ветеа Пито. – Никогда не думал, что могут существовать подобные страшилища.

– Точно не с наших островов, – уверенно высказался Чиме. – Не с Маркизских и не из Австралии, да и не из Тоги. По всей вероятности они приплыли из Пятого Круга.

– Это-то понятно, – согласился Тапу Тетуануи. – Никто никогда не рассказывал о чем-либо подобном... – Он на мгновение замолчал и наклонился над поверженным великаном, заглядывая ему в лицо. – Я всегда спрашиваю себя: должно быть, мир очень большой, если в нем есть место и таким страшилищам?

– По-видимому, очень большой, – с понимающим видом поддакнул Ветеа Пито. – Мити Матаи рассказывал, что ему пришлось потратить почти год, чтобы вернуться из тех морей, где вода твердеет, и что по пути он открыл остров, охраня-

няемый каменными воинами десятиметровой высоты.

– Я все бы отдал, чтобы послушать историю об этом путешествии, – вздохнул Тапу Тетуануи.

– Мити Матаи никогда не говорит об этом путешествии, – заметил Чиме из Фарепити.

– Мой отец, выходявший с ним в океан, уверяет, что он рассказывает об этом путешествии только тогда, когда несколько дней находится в плавании, – поправил его Тапу. – Видно, море ему помогает говорить.

Потом он посмотрел вверх, определил положение солнца, устало поднялся на ноги и сказал:

– Будет лучше, если мы сейчас вернемся в деревню, если хотим добраться туда прежде, чем стемнеет.

– А что будем делать с ним?

– Унесем.

Они сломали толстую ветвь, очистили ее от листьев и, подвесив пленника за руки и за ноги, будто дикого кабана, подняли на плечи и, потя и ругаясь, зашагали в сторону селения.

Конечно, им пришлось попотеть, однако это того стоило. На закате дня они триумфальным маршем вошли на марае, где собрались все взрослые жители деревни, и положили к их ногам жуткого великана, покрытого татуировкой.

Большинство присутствующих не поверило своим глазам. Лицо Роонуи-Роонуи помрачнело, а на губах Хиро Тавааери появилась едва заметная улыбка.

– Теперь я вижу, что ты был прав, – тихо проговорил он, покачивая головой. – Прости меня за мою недоверчивость. Так это и есть тот человек, с которым ты сразился?

– Я никогда не сражался с ним, – признался Тапу Тетуануи откровенно. – Убежал как заяц, но я сделал так, чтобы он попался в мою ловушку.

Никто не удосужился даже ответить ему. Наклонившись, все рассматривали дикаря, а самые старые поселяне принялись очищать чужака от покрывавшей все его тело грязи, чтобы внимательно рассмотреть татуировку, по которой можно было бы сказать, откуда великан родом.

Кто-то притащил воды и плеснул ему в лицо. Звероподобный варвар мотнул головой, открыл глаза, посмотрел вокруг и, зарывав, в который раз оскалил свои острые желтые зубы. Все в страхе отступили на шаг.

– Кто ты? – спросил Хиро Таваеарии. – И откуда ты?

Тут произошло такое, чего Тапу не видел никогда в жизни. Похоже, что дикарь понял вопрос. Он неожиданно высунул изо рта язык и, со страшной силой сжав челюсти, откусил его. Язык скользнул по груди и скатился на землю.

Брызнув фонтаном, из его рта полилась кровь. Собравшиеся в храме, все от мала до велика, выдохнули в ужасе и будто бы окаменели. Они задавались вопросом: есть ли предел жестокости этого неведомого чудовища, отдаленно напоминающего человека?

К какому народу принадлежит это существо, которое,

чтобы не выдать тайн своих соплеменников, предпочло лишить себя дара речи столь страшным образом? И на какие зверства может решиться этот дикарь в отношении своего противника, если так обращается сам с собой?

Поступок дикаря застал жителей Бора-Бора врасплох. Какое-то время они были не в состоянии осмыслить произошедшее и лишь стояли неподвижно, молча разглядывая чудовище, и только тогда, когда кровь полностью залила татуировку на груди дикаря, Хиро Таваеарии поднял руку и резким тоном приказал:

– Отнесите его в дом Хини Тефаатау. Пусть он раскаленным камнем остановит ему кровь. Он нам нужен живым.

После того как четыре воина вынесли отчаянно вырывающегося пленника из храма, старый учитель жестом пригласил сесть Тапу Тетуануи, Чиме из Фарепити и Ветеа Пито, которых прямо-таки распирало от гордости.

– Вы проявили немалое мужество, – сказал он, – и напомнили мне об одной древней мудрости, которую я уже успел позабыть. В трудные времена даже самая маленькая помощь должна быть принята, а самый скромный совет выслушан. – Он многозначительно улыбнулся. – В качестве награды я разрешаю вам присутствовать на Совете.

– Но ведь они еще вчера были детьми! – попытался возразить Роонуи-Роонуи, однако суровый взгляд старого правителя заставил его замолчать.

Тут Хиро Таваеарии сел у подножия трона, который в бу-

душем могла занять только молодая принцесса Ануануа, и, обведя печальным взглядом всех присутствующих, произнес с тяжелым вздохом:

– Остров наш невелик, и это остров мирных людей, однако нам в течение долгого времени пришлось сопротивляться тирании мощного Раиратеа, но все-таки нам удалось завоевать уважение своих воинственных соседей... – Хиро Таваеарии ненадолго замолчал, так как был человеком очень преклонного возраста и ему нужно было перевести дыхание. Затем, устремив взгляд на солнечный диск, вот-вот готовый опуститься за горизонт, продолжил: – Теперь какие-то варвары лишили нас всего, чем мы всегда так гордились: справедливого короля Памау; его дочери, чей брак с принцем острова Раиратеа принес бы долгожданный мир на наши земли. Они украли пояс из желтых перьев – символ нашей независимости, всеми почитаемую Великую Черную Жемчужину и нескольких прекрасных дочерей нашего народа, и лишь боги ведают, где они все теперь...

У двоих убитых горем отцов из груди вырвался стон. Достопочтенный Хиро сделал новую паузу, на этот раз давая отчаявшимся людям прийти в себя и собраться с духом, а потом хриплым голосом продолжил:

– Мы можем сделать две вещи. Первая: зализать раны, восстановить жилища и попытаться забыть о произошедшем, поверя в то, что океан огромен и возвратит похищенное невозможно. – Он пристально посмотрел на собравших-

ся, ожидая реакции на свои слова, но никто не спешил соглашаться со сказанным. – Вторая: начиная с этого самого момента, мы бросим все наши силы на строительство большого корабля, чтобы на нем самые лучшие мореплаватели и самые мужественные воины вышли в море и не возвращались до тех пор, пока не отвоюют то, что является нашим по праву, заставив наших обидчиков расплатиться кровью за нанесенное нам оскорбление.

Наступила тишина. Все начали переглядываться. Первым заговорил Амо Тетуануи, отец Тапу. Он осмелился задать вопрос, интересовавший всех:

– А что думаешь ты? Ведь ты сейчас верховный правитель.

– Я стар, и стар давно, – последовал ответ. – Моя кровь уже не закипает при мысли о битве, думаю, я не доживу до возвращения корабля, если мы решим его построить. – Он несколько раз отрицательно помотал головой. – В этом случае не я должен принимать решение, а тот, кто станет его выполнять.

Тридцать пар глаз одновременно уставились на уважаемого всеми главного навигатора, на мужественного Мити Матаи, который, без сомнения, являлся самым главным авторитетом в деле мореплавания.

– Скажи, можем ли мы отыскать этих варваров? – поинтересовался Роонуи-Роонуи.

– Как хорошо некогда сказал достопочтенный Хиро Тава-

еарии, океан необозрим и в нем находятся тысячи и тысячи островов, – заметил Мити Мата. Голос его прерывался, как у человека, не привыкшего много говорить. – Однако выходит, если они смогли добраться сюда, значит, и мы тоже сможем добраться туда, где они скрываются.

– Возьмешься командовать кораблем?

– Конечно. Но победы... – он сделал паузу, – и даже возвращения гарантировать не могу.

– О победе позаботимся мы, воины, – ответил ему Роонуи-Роонуи. – Ты нас только доведи до этих пиратов, и я клянусь, что мы вернем свое.

– Решение пока еще не принято, – напомнил ему Хиро Таваеарии.

– Я знаю, – смиренно признал военачальник. – Я лишь прошу народ Бора-Бора: доверьтесь нам, и мы защитим вашу честь.

– Если лучшие воины ввяжутся в эту авантюру, которая грозит окончиться ничем, тогда наши женщины и дети останутся беззащитными, – послышался голос толстяка – человека-память, – который до этого молча сидел в темном углу и лишь внимательно слушал собравшихся. – Что, если они снова нападут на нас?

– В таком случае мы будем уничтожены, – последовал честный ответ.

– Слишком высокая цена за честь...

– Честь нельзя оценить, – сердито подытожил Роонуи-Ро-

онуи. – Она либо есть, либо нет; либо мы готовы отдать за нее все, либо лишаемся ее.

Хиро Таваеарии жестом дал понять, что дискуссия окончена; когда он заговорил, голос его звучал строго и торжественно:

– Пусть поднимут руки те, кто считает, что мы должны забыть об оскорблении и потерях и лишь заново отстроить селение, словно его разрушили не жестокие дикари, а налетевший ураган.

Ни одной руки.

– А теперь пусть поднимут руки те, кто считает, что с рассветом мы должны начать строить самый быстрый и самый лучший из кораблей, когда-либо бороздивших океан.

Тапу Тетуануи был слишком молод, чтобы иметь право голоса, однако рука его инстинктивно взметнулась вверх, присоединившись к лесу уже поднятых рук.

Теве Сальмон – Лосось, – человек хилый, с маленькими глазками и лицом, похожим на черепашую морду, много лет назад был удостоен титула великого мастера-строителя Бора-Бора. Подобного ему человека, возможно, не существовало на всем архипелаге, на Тауматоу или в Австралии. Никто не мог сравниться с ним в в умении оснастить грозную военную *паи тамаи*, тяжелой *тираируа*, использовавшийся для перевозки товаров, или быструю пирогу с балансиром, предназначенную для ежегодных гонок в честь бога Тане.

Когда он не находился на своей любимой верфи, представ-

ляющей собой покрытый пальмовыми листьями навес и расположенной в глубине бухты Фарепити, Теве Сальмон без усталости – только по одному ему знакомым тропинкам – обходил остров, запоминая каждое дерево, которое встречалось ему по пути. Используя их в нужный час и самым наилучшим образом, он всегда мог сказать, с какой скоростью вырастет то или иное дерево и каково будет качество древесины.

Он так же, как и его отец, дед и прадед, занимался посадкой молодых деревьев, и места для этого всегда выбирал самые подходящие. Он так же, как и его отец, дед и прадед, считал, что мудрость всего народа Бора-Бора, которая будет передана их детям и внукам, ничего не будет стоить, если в нужный момент у них не окажется необходимого материала для постройки лодки. И именно этим необходимым материалом обеспечивали народ Бора-Бора растущие на острове деревья.

Поэтому, когда он получил приказ от почтенного Хиро Таваеарии построить большой катамаран, на котором воины острова смогли бы пуститься в плавание и спасти девушек, принцессу, священную жемчужину и королевский пояс, первое что он сделал, так это посоветовался со старым учителем. Он желал выяснить, какой тип корабля требовался для столь долгого и опасного путешествия.

– Порядка тридцати метров в длину и десяти в ширину, – пояснил Мити Матаи. – Быстрый, когда это будет нужным, но в то же время с хорошим водоизмещением. Борта,

для лучшей остойчивости, должны быть V-образной формы, к тому же так судно будет меньше сноситься течениями. Две мачты с самыми большими парусами, но так, чтобы остойчивость при этом не нарушалась.

– Настилы?

– Два больших, но не высоких. Носовой должен использоваться как площадка для атаки. Мачты и борта должны легко сниматься и в нужный момент становиться невидимыми. Хочу также, чтобы кормовая и носовая части были низкими.

– Слишком низкий нос делает корабль уязвимым при высокой волне, – сделал замечание плотник. Однако, поразмыслив несколько мгновений, добавил: – Я постараюсь сделать нос таким, чтобы при высокой волне он мог подниматься.

– Постарайся сделать так, чтобы корабль был не слишком тяжел.

– Обязательно постараюсь. Может быть, какую-нибудь специальную древесину?

– Оставляю на твой выбор.

Этих указаний для Тева Сальмона было достаточно, чтобы приступить к делу. Несмотря на то что он не был знаком с письменностью, не обладал навыками математических расчетов и проектирования, все способы конструирования держались у него в голове.

Каждая линия, каждая деталь и каждое соединение корпуса были взяты из головы великого мастера-строителя. Он

знал о кораблестроении почти все еще тогда, когда находился в утробе матери: какие выбрать формы и размеры; насколько упруги и тяжелы должны быть все те многочисленные элементы, что составляют полинезийский корабль. Все эти знания передались ему по наследству.

Наверное, это было единственной формой, когда столь изолированная и однородная социальная группа смогла стать самообеспечиваемой, так как перед каждым индивидуумом была поставлена строго определенная задача при выполнении общего задания, а каждый в отдельности обязан был уметь выполнять свою работу в совершенстве.

Так как мудрейший Хиро Таваеарии приказал всем до единого обитателям Бора-Бора выполнять указания великого мастера-строителя, Теве Сальмон неожиданно столкнулся с тем, что все жители острова с воодушевлением пошли под его начало.

Для кия он выбрал восемь стволов *таману*, которые специально высушивал более года. Раскладывал он их всегда в тени, дабы безжалостное тропическое солнце не пересушило драгоценный материал. Затем, обтесав их с одной стороны, он на плоскую поверхность клал тлеющие угли *аито*, которые постепенно прожигали древесину.

Двадцати малышам было поручено днем и ночью следить за углями. Они были обязаны раздувать их, когда угли угасали, или придавливать их камнем, если они начинали воспламеняться, всегда поддерживая нижнее горение так, что-

бы толщина бортов постоянно оставалась в пределах десяти – двенадцати сантиметров.

Мальчишкам постарше он поручил затачивать камни.

К этим камням приделывались деревянные ручки, и они становились неким подобием топоров, которыми взрослые вытесывали широкие доски из толстых стволов деревьев. Эта работа была трудна и требовала большого внимания, так как один неосторожно нанесенный удар мог испортить четырехдневный труд семерых мужчин.

Когда длинная доска была отделена от ствола путем подрубки и обжига, группа женщин начинала шлифовать ее кораллами и камнями, затем песком и наконец акульей шкуркой.

Получилась отличная, длиною в пять-шесть метров, шириной примерно в двадцать и толщиной в восемь сантиметров, доска.

Тут к работе присоединились Тапу Тетуануи и его друзья.

Не зная о существовании металла, жители Бора-Бора и большинства многочисленных островов южной части Тихого океана испытывали нужду в гвоздях и винтах, которыми можно было бы скреплять доски. А посему сшивание между собой различных элементов будущего судна было задачей сложной и трудоемкой, так как плохо сшитая пирога от резкого удара морской волны могла переломиться надвое где-нибудь в ста милях от ближайшего берега.

Чтобы избежать этого, Тапу Тетуануи и большинство юно-

шей острова расселись вдоль одной из досок и с завидной выдержкой и аккуратностью начали сверлить маленькие симметричные отверстия в двух сантиметрах от края доски.

Работа была чрезвычайно сложной и требовала немалого умения, так как в качестве коловорота они вынуждены были использовать маленькую палочку, к кончику которой был прикреплен осколок ракушки. Столь примитивным инструментом они сверлили отверстия, которые никогда не превышали половины сантиметра в диаметре.

И пока мужчины и женщин, дети и старики, бедные и богатые работали, все они в унисон напевали «Песню Тане», песню, благодаря которой строящаяся пирога сможет пересечь океан, счастливо преодолев любые опасности.

Если я заставлю плыть мою пирогу
По предательской морской волне,
Пусть под ней волна найдет себе дорогу —
О мой бог Тане! —
Пусть пирога пронесется по волне.

Если я заставлю плыть мою пирогу
Через шквалы – ураганные ветра,
Пусть под ними мой корабль найдет дорогу —
О мой бог Тане! —
Ну а буря пронесется над ладьей.

Если я заставлю плыть мою пирогу
По гигантским водяным валам,

Пусть, по ним летя, пробьет она дорогу —
О мой бог Тане! —
А валы пройдут спокойно под ладьей.

О мой бог Тане! О мой бог Тане!

И без всякого сомнения, бог Тане поведет тот корабль, на который все население острова возлагало столь много надежд. Но чтобы выйти в океан, каждый представитель маленького народа должен был вложить всю свою любовь в то, что делал, — без этого морскому богу будет непросто защитить путешественников.

Рассевшись под тенистыми пальмами на белом пляжном песке, старики часы проводили за плетением канатов из кокосового волокна. И до того у них это выходило ловко, и столь умело они работали, что, несмотря на примитивность технологии, у них получались длинные и крепкие канаты, не хуже пеньковых.

Пожилые женщин в свою очередь собирали листья хлебного дерева и из них плели тенты для навеса и паруса. Таким образом, на Бора-Бора не оставалось ни одного человека, кто бы не внес хоть маленькую толику своего труда в строительство большой пироги, каковой предстояло выдержать в течение долгих месяцев удары шквалистого ветра и волн.

Самые красивые девушки подносили работающим свежую воду и еду. Они вытирали им пот, когда те были заняты, одаривали их своими очаровательными улыбками, а устав-

ших за день неженатых молодых ребят с наступлением темноты награждали объятиями и ласками.

Тапу Тетуануи все это время был на седьмом небе от счастья, гордясь совершенным подвигом, к тому же он стал замечать, что его любимая Майана стала обращать больше внимания на него, чем на других юношей, включая весельчака Ветеа Пито и силача Чиме из Фарепити.

– Я очень горжусь тобой, – прошептала она ему во время их последнего свидания, когда они на песчаном пляже предавались любовным утехам. – Ты проявил истинное мужество, вступив в схватку с таким страшным варваром. Мой отец уверяет, что менее чем через год тебе предложат стать *ариои*.

– Я не хочу быть *ариои*, – последовал ответ. – Я хочу, чтобы Мити Матаи научил меня делу великого навигатора.

– Мити Матаи уедет и, возможно, никогда больше не вернется, – нежно возразила девушка. – И чтобы стать великим навигатором, нужно знать и уметь очень и очень много... Слишком много!

– А ты выйдешь за меня, если я стану великим навигатором?

– К тому времени я превращусь в бесплодную старуху, – шуточно ответила она, не прекращая нежно целовать его в губы. – Но если Мити Матаи возьмет тебя в ученики, я соглашусь.

– Обещаешь?

– Конечно, – твердо завершила Майана. – Пусть по воле бога Таароа я растолстею как свинья, если не выполню своего обещания.

– И ты станешь хранить мне верность, пока я по нескольку месяцев буду плавать в океане?

– Ты знаешь, как наказывает бог Тане ту женщину, которая решится обмануть моряка? Он будет вечно водить ее по океанским глубинам, там, где всегда холод и темнота, где обитают самые страшные чудовища, которых можно только представить. – Она потрясла головой, словно избавляясь от ужасных видений. – То же самое он делает и с мужчиной, который осмелится лечь в постель с женою моряка. Нет! – добавила она убежденно. – Если когда-нибудь мой отец отдаст меня за тебя, я буду верна тебе всю жизнь.

Тапу Тетуануи какое-то время сидел молча, и чувство абсолютного счастья охватывало его при одной только мысли, что такое чудо могло свершиться. Затем он поднял руку и, указывая на группу звезд, находящихся как раз над их головами, сказал:

– Видишь те звезды? Это Семь Безумных Вдов. В эту пору года они появляются из-за горизонта точно там, где находятся острова Фау Хива, что в Маркизском архипелаге, и заходят над большим священным островом Раротонга... – Потом, немного помолчав, он добавил: – Когда я стану великим навигатором, я возьму тебя на большой праздник, который отмечается там раз в восемь лет. Хиро Таваеарии был там

однажды и говорит, что на празднике этом собираются люди со всех концов света.

– Ты слишком размечтался, – перебила она его.

– Мне звезды помогают мечтать, – последовал ответ. – А ты знаешь, что островов столько же, сколько звезд на небе? И каждый остров отмечен звездой, которая оказывается над ним ровно в полночь в первый день года. Остается только узнать, какая из них оказывается в это время над каждым островом. Мити Матаи – он знает.

– И *орипо* тоже это знает, – заметила девушка.

– Нет, – возразил Тапу Тетуануи убежденно. – Человек-память лишь помнит, но не знает. Он знает название звезд, но он не может отличить их друг от друга. Только Мити Матаи может указать их на небе и показать их путь.

– Ты так восхищаешься Мити Матаи, смотри, не пожалей потом об этом, – с горечью возразила ему Майана, усаживаясь на песок и заглядывая ему в глаза. – У самых высоких пальм кокосы обычно бывают горькими.

– Сок горьких кокосов лучше всего утоляет жажду, – напомнил он ей. – Меня не привлекают ни сладкие кокосы, ни легкие дела. Я хочу стать великим навигатором и открыть земли, которые находятся там, за Четвертым Кругом.

– Я выйду замуж за тебя, – прошептала нежно девушка, усаживаясь к нему на колени.

Но на следующую ночь, несмотря на вырвавшееся признание, она уже развлекалась с Ветеа Пито. Тапу Тетуануи по-

нял, что, пока не настанет день, когда великий Мити Матаи пригласит его в ученики, а отец Майаны не отдаст свою дочь ему в жены, взбалмошная девчонка не прекратит щедро раздавать свои ласки всем добивающимся ее руки претендентам.

Мити Матаи безгранично доверял Теве Сальмону и не считал нужным появляться в бухте Фарепити, подчеркивая тем самым, что его настоящее дело начнется только тогда, когда великий мастер-строитель решит спустить корабль на воду и передать пирогу ему в руки.

Сам же он полностью окунулся в изучение татуировки, покрывавшей тело неизвестного. Только благодаря ей можно было понять, откуда мог появиться этот дикарь.

Хиро Таваеарии, так же как и Мити Матаи, Роонуи-Роонуи и самые мудрые старики острова, большую часть дня проводил, изучая до мельчайших деталей каждый из омерзительных рисунков татуировки. Пленник был помещен в центре полуразрушенного марае. Подвесив чужака за руки к сохранившейся балке, а к ногам привязав пару увесистых камней, жители деревни могли ходить вокруг великана и поворачивать его так, как им было удобно, не боясь, что тот набросится на них.

Он же мог лишь рычать и плевать, высовывая наполовину откушенный язык. Дикарь отказывался пить и принимать пищу, и они вынуждены были кормить его силком кашицей из фруктов.

В редкие минуты отдыха ребягня острова сбивалась в стайки, дабы посмотреть на чудовищного великана. Они почтительно стояли на расстоянии и старались лишней раз не шуметь, чтобы не отвлекать тех, кто пытался расшифровать не ведомые никому на острове иероглифы, покрывавшие тело распятого дикаря.

Чужак в основном спокойно относился к окружавшим его людям, но стоило только появиться Тапу Тетуануи, как он начинал отчаянно дергаться, устремляя на него убийственные взгляды.

– Он ненавидит тебя до смерти, – заметил Ветеа Пито. – Если ему однажды удастся вырваться, тебе будет лучше укрыться в земных недрах.

– Я его не боюсь, – возразил юноша, явно лицемера. – Я его не испугался даже тогда, когда с ним встретился впервые.

– Но ведь тогда, на горе, мы чуть было в штаны не наложили, – честно признался Ветеа Пито. – Мне до сих пор иногда страшно становится.

Тапу Тетуануи хотел было признаться, что и ему тоже было страшно, но побоялся, что Ветеа Пито расскажет об этом Майане.

Поэтому он ограничился тем, что стал наблюдать за дикарем, держась на безопасном расстоянии и время от времени показывая ему язык, чтобы сильнее разозлить чужака.

– Он не моряк, так как на татуировке нет ни одной звезды, ни одного известного людям созвездия, – в конце концов

уверенно заявил Мити Матаи. – Он также не является и человеком возвращения, потому что большинство татуировок очень старые, и я подозреваю, они скорее указывают на боевые заслуги дикаря, чем на совершенные им путешествия. Вот эта, например, без всяких сомнений говорит о победоносном нападении на один из островов, поселение на котором было сожжено подобному нашему.

– Я тоже думал об острове, объятom огнем, – заметил Хиро Таваеарии. – Но только об острове, на котором есть действующий вулкан, потому что пламя здесь начинается не с побережья, где есть жилища, а с центра горы.

Все присутствующие приблизились и стали внимательно рассматривать рисунок, нанесенный под левым соском пленника. Мити-Матаи, показав пальцем на другой расплывчатый рисунок вокруг пупка, предположил:

– Если, как мы предполагаем, здесь, у пупка, находится его родной остров, тогда, наверное, севернее его размещается остров с действующим вулканом, на который когда-то, возможно двенадцать или пятнадцать лет назад, напали его соплеменники. – Он утвердительно покачал головой и добавил: – Немного, однако. Но по меньшей мере мы узнали хоть что-то. Теперь необходимо попытаться определить местонахождение вулканического острова.

– Возможно, что за эти годы вулкан уже погас? – высказал свое мнение Роонуи-Роонуи.

– Конечно, может быть и такое, – согласился великий на-

вигатор. – Но и в этом случае местные жители должны помнить о том, что когда-то, когда вулкан еще действовал, на их остров напали какие-то варвары.

При этих словах дикарь начал дергаться и бросать на окружающих многозначительные взгляды – похоже, он прекрасно понимал, о чем идет речь. Хиро Таваеарии, от чьего усталого взгляда не скрывалась ни одна деталь, тут же отметил:

– Забеспокоился. Думаю, что мы на правильном пути. Сколько же миль разделяет его родной остров и тот, вулканический, на который они напали?

Чуть задумавшись, Мити Матаи протянул руку к пленнику и приложил большой палец к пупку.

– Далек, – произнес он наконец. – Возможно, он во Втором Круге, если только рисунок на пупке действительно символизирует его остров.

– Да, это так, – вмешался старый татуировщик. Он был вторым после Мити Матаи, кто дни напролет изучал тело пленника. – Это старый и довольно распространенный обычай среди народов северо-востока.

– Северо-востока? – удивился Хиро Таваеарии. – Как же тогда объяснить, что они прибыли с севера-востока в период, когда все время дует юго-восточный *марааму*?

– Да потому, что они очень хитры, – сказал Мити Матаи, чей мозг работал с удивительной быстротой, когда речь заходила о мореплавании. – Возможно, вначале они плыли по

течению, сносившему их на восток. Потом на веслах пошли на юг. Таким образом они достигли точки, где доминируют *марааму* и дуют в сторону их дома. По пути же они грабят все встречающиеся им острова. – И похоже, убедившись в своих собственных словах, продолжил: – Они не нападают, когда плывут из дому. Нападают, когда возвращаются.

– Но такое плавание занимает месяцы! – воскликнул Хиро Таваеарии. – А может быть, и годы!

– Здесь, без всякого сомнения, речь идет о представителях народа пиратов, которые никогда не спешат.

– Это ужасно усложнило бы дело, – озабоченно нахмурившись, признался Роонуи-Роонуи. – Говорят, что в Пятом Круге на северо-востоке лежат тысячи островов. Как же мы найдем нужный?

– Если остров пиратов находится в Пятом Круге, то мы не сможем его найти, – сухо ответил Мити Матаи. – Но пусть так, мы все равно попытаемся.

Для жителей Бора-Бора, так же как и для большинства народов Полинезии, все, что находится за Пятым Кругом, размещается словно за пределами Вселенной. Впрочем, их восприятие мира и расстояний как отличались, так все еще и продолжают отличаться от представлений прочих народов нашей планеты.

С тех пор как ассирийцы, египтяне и древние греки начали неуверенно наносить на карты очертания окружающего их мира, у человека Европы, Азии и Африки, а позже и

Америки мало-помалу складывалось современное представление о мире, в котором он обитал в тесной связи с другими народами.

Когда испанца, англичанина или китайца спросят о его родине, он в первую очередь назовет свое селение, провинцию или страну, в которой эта провинция находится. В крайнем случае, мы услышим название континента, на котором раскинулась его страна.

Если этого же человека попросят нарисовать место, в котором он родился, он изобразит примерную карту, где точкой отметит свое селение или город.

Таким же образом во время путешествий человек всегда мысленно рисует карту, связывая свои родные земли с остальным миром, частью которого себя и считает. Одним словом, он знает, что, совершая поездку из Испании в Германию, должен пересечь Францию. А если позже он надумает отправиться в Англию или Соединенные Штаты, ему придется пересечь пролив Ла-Манш или Атлантический океан.

Это значит, что он осознает, где живет, и передвигается по суше или по морю по заранее намеченным маршрутам. По истечении же определенного времени он возвращается к отправной точке, проделывая тот же путь, но только в обратном направлении.

Одним словом, место его рождения – не что иное, как точка в огромном, четко разграниченном пространстве.

Но жители тысяч островов южной части Тихого океана

мир представляют себе по-другому.

Для многих мир остается таким же, каким представляли его себе их далекие предки, и лишь немногие, когда чуть более двухсот лет тому назад на их берега высадились европейские мореплаватели, осознали, что мир изменился.

Для полинезийцев все и всегда начиналось от «пупка» – от своего острова, который являлся для них центром Вселенной. Даже Млечный Путь – авеии'а, – проходящий над островом, в каждую пору года строго разграничивался.

За родным островом начинался Первый Круг. В нем разбросаны большие и малые острова, дойти до которых можно было за две недели плавания. Плавали на эти острова и возвращались назад, используя попутные ветры и течения, постоянно меняющиеся в зависимости от времени года.

Чтобы дойти до Третьего Круга, приходилось тратить уже месяц, а до Четвертого, и в их представлении последнего, – четыре месяца. Хотя и эти данные были неточны. Ну а о том, каким образом полинезийцы возвращались домой из столь отдаленных мест, ничего нельзя было сказать наверняка.

Выходя в открытое море, полинезийские моряки, не имея общей карты в нашем понимании этого слова, всегда ориентировались на расположение родного острова и рассчитывали только на звезды, течения и ветра, не всегда способствующие их возвращению.

В таком океане, как Тихий, где пассаты большую часть года дуют в одном и том же направлении, плавание под па-

русом было до крайности трудным делом. Именно поэтому полинезийцы постоянно совершенствовали свои знания в области навигации и астрономии, знания, которые и поныне остаются непостижимыми для остальной части человечества.

Почти на протяжении двух веков западные мореплаватели и астрономы отказывались признавать, что какие-то «бедные дикари», не знающие письменности, металла, секстанта, телескопа и даже компаса, могли знать намного больше их самих о море и небе. Однако в последнее время выяснилось, что дела обстояли именно так, иначе «дикари» эти никогда бы не смогли покорить столь обширное водное пространство: двадцать тысяч километров в длину – от Сингапура до Панамы, и еще столько же в ширину – от Алеутских островов до острова Пасхи.

Тем не менее, несмотря на свои обширнейшие познания, для большинства полинезийских мореходов все, что находилось за призрачным Пятым Кругом, было недостижимым, точно так же, как и Море Ужасов – Атлантический океан – для наших предков, которые в свое время считали Канарские острова «краем света».

Полинезийцы знали, что мир не кончается за пределами Четвертого Круга, но были убеждены, что зайти в Пятый – все равно что попасть в пустоту, из которой нет возврата.

И действительно, в памяти жителей Бора-Бора запечатлелся только один человек – мифический Мити Матаи, ко-

торый оказался способен отыскать обратный путь из Пятого Круга.

Однако необходимо было учитывать, что он возвращался с юга. В то время как сейчас эти же ветры будут гнать путешественников за пределы Четвертого Круга на северо-восток, а оттуда не было попутных ветров, которые могли бы поспособствовать их возвращению.

«Пусть так, мы все равно попытаемся», – сказал Мити Матаи. А когда эти слова дошли до слуха Тапу Тетуануи, он вновь убедился, что единственное, о чем мечтал на этом свете, так это быть рядом с живым богом и перенять хоть малую толику его знаний и умений.

И вот с наступлением вечера следующего дня, когда Мити Матаи сидел на террасе своей хижины, нависающей, будто нос большой пироги, над лагуной, а тыльной стороной похожей на корму покоившейся на песке лодки, юноша предстал перед ним. Извинившись, что потревожил учителя в час раздумий, он нижайше попросил его оказать ему честь – Тапу хотел стать учеником Мити Матаи, если великий путешественник, конечно, захочет продемонстрировать ему свои способности.

– Я хочу стать великим навигатором, – сказал он. – Знай, что кто-то готов идти по курсу, проложенным твоим кораблем, где бы он ни находился.

Проницательный взгляд великого навигатора, чье имя бы-

ло произнесено Тапу с безграничным уважением, устремился на светящееся надеждой лицо юноши, жизнь которого зависела от ответа старика. Тот, мгновение поразмыслив, жестом указал на длинную линию, прочерченную на полу его веранды, и твердо спросил:

– Какие звезды проследуют по этому пути в июне?

Тапу Тетуануи приблизился и наклонился почти до самой черты. Потом бросил взгляд на солнце, вот-вот готовое спрятаться за горизонтом, и, как никогда, постарался сосредоточиться: он знал, что от одного единственного ответа сейчас зависят исполнение его мечты и будущее счастье с Майаной. Поразмыслив как следует, он уверенно ответил:

– Великая Одинокая Дама. Позже за ней пройдут Влюбленный Малыш, Скромник, а тремя румбами севернее – Торговец Жемчугом.

– А где в это время будет находиться край Крючка Мауи? – поинтересовался великий навигатор.

– Ровно в полночь взойдет над Раираatea.

От едва заметного утвердительного жеста старика сердце Тапу бешено заколотилось.

После короткой паузы Мити Матаи снова спросил:

– Какие ветры будут дуть в июле, если ты окажешься к северо-востоку от Первого Круга?

– До полудня никаких, – последовал ответ. – А с наступлением вечера должен подняться с востока слабый маоаи'а, который на закате солнца начнет дуть на юг, где столкнется,

слегка штормя, с маоаи'а Тавара – и будет продолжаться так, пока Копье Бога Оро не скроется за горизонтом.

На губах Мити Матаи появилась легкая улыбка, и дрожащий Тапу Тетуануи понял, что он переступил через первый рубеж на дороге, ведущей в рай. Если уж этот великий, превосходящий всех жителей деревни своими знаниями и умениями человек готовился задать новый вопрос, значит, прежние ответы Тапу были верны.

– Итак, полдень, – продолжил Мити Матаи, – и у тебя над головой на юг пролетел фрегат. Какие выводы ты сделаешь из этого?

– Никаких. Он ищет отмель, где есть рыба, и ему все равно, куда лететь – на юг или на север. – Тапу глубоко вздохнул и продолжил: – Но если я его увижу тремя часами позже, то это будет означать, что он возвращается к своему гнезду. Значит примерно в пятистах милях к югу есть остров.

– С теорией ты хорошо знаком, – согласился великий навигатор, жестом приглашая юношу сесть напротив себя. – Но ты должен иметь в виду, что теория – как бы это сказать? – меньше всего поможет тебе, если ты находишься в сердце океана. Самое главное – это интуиция и мужество, особенно мужество, когда ты сталкиваешься с опасностью. Ты уверен в собственной смелости?

– Ведь это я вступил с незванным гостем в схватку и захватил его в плен, – напомнил Тапу. – Я первый сын Амо Тетуануи, который много лет плывал с тобою рядом, плечом к

плечу.

– Мужество – это такая вещь, что не всегда передается по наследству, подобно носу или пироге, – подчеркнул учитель. – Ну а вот то, что ты захватил в плен огромного дикаря, уже кое-что говорит о тебе. – С этими словами он снисходительно улыбнулся и продолжил: – Я подумаю над твоим предложением, и если вернусь из дальнего похода, то мы вновь поговорим на эту тему.

– Если вернешься из дальнего похода? – испуганно проговорил Тапу. – Да на это могут уйти годы, и я уже не смогу научиться новым вещам! – Он умоляюще протянул руки: – Ведь я хочу в этом плавании быть с тобой, чтобы ты меня учил.

– Со мной, в плавании?.. – удивился Мити Матаи. – Но ведь ты еще совсем юн.

– Я уже мужчина, – с горечью в голосе ответил паренек. – И хочу тебе напомнить, что этот поход состоится только благодаря мне – ведь это я захватил великана. Без него вы бы никогда не узнали, в какую сторону следует плыть.

– Ты совершил серьезный поступок, – с расстановкой произнес собеседник. – Я помню о нем. Однако я один не стану решать, достоин ты или нет отправиться в экспедицию. Пусть Совет определит, кто войдет в состав команды.

– Капитан всегда имеет право выбирать членов экипажа, – напомнил ему юноша. – Это часть его обязанностей.

– Не в этом случае, – ответил Мити Матаи. – Мы здесь

многим рискуем. Я стану отдавать распоряжения только тогда, когда корабль пройдет пролив и выйдет в открытое море. До этого же момента моя обязанность подчиняться! – Он сделал паузу и, четко произнося слова, продолжил: – Как и твоя.

– Но...

Учитель остановил его резким жестом.

– А сейчас уходи, – промолвил он сухо. – Мне необходимо подумать. Если согласится Совет, буду согласен и я. Пока еще не знаю, на что ты годишься: станешь ли ты человеком-память или моряком? Главное, чему ты должен сначала научиться, – это подчиняться, потому что тот, кто не научится подчиняться, никогда не научится командовать.

Тапу Тетуануи, как и при столкновении с дикарем, уходил от старика по пляжу с трясущимися коленями. Но в душе его все пело от счастья. Ему хотелось прыгать и на радостях закричать так громко, чтобы его услышали во всем мире, закричать о том, что легендарный Мити Матаи согласился с тем, что он, Тапу может стать настоящим мореплавателем.

Он хорошо знал, что не будет человеком-памятью, знающим все о звездах и их пути, так как эти люди лишь повторяют то, что им рассказали другие, неспособные отличить созвездие Рака от Трех Пальм, в то время как он – Тапу Тетуануи – знал каждое созвездие так же хорошо, как соски несравненной Майаны.

Вот было бы здорово сбегать на мыс Рофау и рассказать

ей подробно о своей встрече с великим мореплавателем!

В какое-то мгновение он уже был готов помчаться к пляжу, но вдруг подумал, что она, быть может, сейчас, как и пару дней назад, с кем-то занимается любовью, а ему было бы крайне неприятно снова увидеть ее в объятиях очередного любовника.

Одна только мысль об этом отбила у него всю охоту видеть Майану и испортила ему настроение на весь вечер.

Но по возвращении домой его ждала радостная весть.

– Если Мити Матаи сказал, что ты можешь стать мореплавателем, будь у тебя такое желание, – сказал отец, выслушав его, – то и я придерживаюсь того же мнения, потому что сам многому научил тебя и видел, как ты держишь руль, хотя иногда ты ошибаешься и вовремя не переключиваешь его при изменении курса. Но это умение придет с годами и опытом. – Отец ласково погладил его по плечу рядом с первой, еще незаконченной татуировкой. – Когда настанет день и я здесь увижу морскую звезду, смогу умереть спокойно.

– Ты ее увидишь, если я смогу убедить Совет в своих способностях и он разрешит мне отправиться в это путешествие.

– Но оно еще не началось, да и возраст тебе не позволяет просить об этом.

– Когда корабль вернется из плавания, мне будет больше, чем надо.

– Если только вернется... – с сомнением покачал головой

Амо Тетуануи. – Плавание предстоит очень тяжелое, и Совет будет выбирать только лучших. И не больше тридцати человек. Я сомневаюсь, что Совет согласится удовлетворить желание какого-то ученика мореплавателя. – Еще немного помолчав, отец закончил: – Не строй иллюзий, сын. Я думаю, что в это путешествие тебе не отправиться.

– Ты смог бы мне помочь?

– Ты хочешь, чтобы твоя мать упрекала меня всю оставшуюся жизнь? – взмолился старик. – Что я ей скажу, толкнув тебя на столь рискованное приключение? Там, дальше Пятого Круга, – только смерть. Или же вы заплутаете в океане и будете приговорены плавать целую вечность, уже не надеясь вернуться домой.

– Нет, этого не случится, если кораблем будет командовать Мити Матаи.

– Никто за всю историю Бора-Бора не возвращался дважды из Пятого Круга. – В голосе Амо Тетуануи звучала непоколебимая уверенность. – И никто не вернется.

– Кто это сказал?

– Это закон бога Тане. Он хозяин волн и ветров. При некоторых обстоятельствах он позволяет одному из героев вернуться из Пятого Круга, но не может этого позволить сделать дважды, так как в этом случае герой превратится в полубога, которого нельзя будет свергнуть.

– И Мити Матаи об этом знает?

– Естественно.

– И несмотря на это, он выходит в море?

– Настоящий мореплаватель никогда не боится умереть в океане, сын, – заметил Амо. – Для настоящего моряка самое страшное – остаться не удел на берегу, как я теперь.

– Но если я не боюсь погибнуть в океане, что же может помешать Совету включить меня в состав команды? – привел последний довод Тапу Тетуануи.

– Многое, потому что, в конечном итоге, и трус, и отважный воин одинаковы, когда мертвы. – Отец нежно улыбнулся и продолжил: – Кроме всего прочего, тебе еще многого не хватает, чтобы стать мореплавателем, сын. Многого!

Как только Тапу и его друзья заканчивали сверлить отверстия в доске, лучшие люди Теве Сальмона подхватывали ее и тут же прикрепляли к предыдущей крепкими канатами, сплетенными стариками, а позже проконопачивали места соединений пастой, состоящей из кокосового волокна и смолы хлебного дерева.

Застывающая в течение недели паста делала конструкцию настолько крепкой, что ей не страшны уже были порывы ветра и океанские просторы. Рыбаки Бора-Бора утверждали, что пирога, сшитая на верфи Фарепити, сможет, не дрогнув, выдержать удар крутой волны в момент ее переката через риф.

Но этот корабль не был небольшой и компактной рыбацкой пирогой. Это был огромный, почти трехметровой высо-

ты катамаран, каждый из корпусов которого достигал тридцати метров в длину и двух в ширину. Учитывая размеры досок и шпангоутов⁵, он требовал сотен соединений и тысячи стежков.

Все это скреплялось изнутри распорками из крепчайшего дерева *аито*, которое на Бора-Бора считалось священным. Дерево это должно было сделать корабль неуязвимым. Но несмотря на то, что к работам было привлечено большинство жителей острова, строительство «Марара» – «Летучая рыба», как назвал корабль Совет, – продвигалось явно медленно.

Роонуи-Роонуи и его воины были обеспокоены тем, что теряют время и им не удастся настигнуть врагов. Но невозмутимый Мити Матаи относился к происходящему спокойно, заверяя участников экспедиции, что стоит только этот удивительный корабль спустить на воду, как он понесется по волнам, словно настоящая летучая рыба и их опасное путешествие непременно завершится успехом.

– Может, мы найдем остров великанов-пиратов, а может быть, и нет, – говорил он. – Может быть, мы спасем наших девушек и вернем украденные реликвии, что нам принадлежит по праву, а может быть, и нет, но одно я знаю точно – обратный путь будет трудным и нам потребуется намного больше сил, чем мы потратим на поиски острова. И только такой

---

⁵ Шпангоут – деревянный или металлический поперечный элемент корпуса корабля. – *Примеч. ред.*

маневренный и остойчивый корабль, как этот, будет способен доставить нас обратно.

Тапу Тетуануи не желал так просто отступаться: он во что бы то ни стало решил принять участие в походе. Поразмыслив, Тапу решил обратиться за помощью к своему другу и учителю, достопочтенному Хиро Таваеарии. Однако старый учитель разочаровал его, сказав, что в сложившихся обстоятельствах его голос имеет не такое уж большое значение и он не может замолвить словечко за Тапу.

– В данный момент я представляю закон, – сказал он. – А закон гласит: юноша, не достигший совершеннолетия, не может воевать... Я ценю тебя, – добавил после небольшой паузы старик. – Я считаю тебя смелым, ловким и сильным. Такие качества не могут не вызывать уважения. Я считаю, что ты не станешь обузой для команды, более того, ты можешь быть превосходным гребцом. Однако даже ради тебя я не стану давить на Совет.

– Значит, я должен остаться на острове, в то время как есть люди, которые на самом деле не хотят пускаться в плавание! – парировал Тапу.

– В команде только добровольцы.

– Да. Добровольцы, – согласился Тапу. – Они согласились из страха, ведь в противном случае на острове их станут презирать за трусость. Ты хорошо знаешь, что почти половина команды предпочла бы остаться дома.

– Никто не может прочесть того, что творится в душах

людей, – негромко вымолвил Хиро Таваеарии. – И тот, кто попытается это сделать, рискует ошибиться. Закон есть закон, – сказал он в заключение.

– Так значит, закон всегда превыше всего? – с подчеркнутой настойчивостью спросил Тапу.

– Без сомнений.

– Если даже закон несправедлив?

– Даже если и так.

– И даже Совет не вправе его нарушить?

– Больше чем кто-либо.

– Хорошо, – согласился Тапу Тетуануи с удивившей учителя покорностью. – Очень хорошо, что я узнал об этом.

На следующий день он встретился с Ветеа Пито и Чиме из Фарепити, и, хотя вначале оба и слышать не хотели о сумасбродных идеях Тапу, тому в конце концов удалось убедить друзей помочь ему.

Тремя днями позже, когда весь Совет собрался на руинах марае, трое юношей предстали перед самыми уважаемыми в деревне людьми и попросили разрешения изложить свои требования.

– Ну и что же у вас могло такого необычного приключиться? – недовольно произнес Роонуи-Роонуи. – Разве вы не видите, что нам нужно решать понастоящему важные вопросы?

Тапу Тетуануи молча указал на голову дикаря, а затем сказал с напускным спокойствием:

– Мы нижайше просим Совет отдать нам нашего пленни-

ка.

– Пленника? – удивился великий военачальник. – Вы что, сошли с ума?!

– Ничуть не бывало, – услышал он в ответ. – Закон гласит: всякий пленный, если его семья не внесла за него выкуп в течение месяца со дня пленения, становится собственностью того, кто взял его в плен... – Тапу сделал многозначительную паузу. – А сегодня как раз исполняется месяц с тех пор, как мы захватили великана.

В храме повисла гробовая тишина. Некоторые члены Совета растерянно переглядывались, глаза некоторых сверкали гневом, и только у Мити Матаи на губах играла хитрая улыбка.

– Это дурацкий закон! – воскликнул наконец Роонуи-Роонуи. – И я не стану ему следовать! Мы еще не закончили изучать татуировки на теле пленного.

– Дурацких законов не существует, – перебил его Хиро Таваеарии, беря инициативу в свои руки. – И никто не имеет права нарушать их, ни под каким предлогом! – Затем, повернувшись к юношам, он произнес: – И что же вы хотите делать со своим пленником?

– Продать его, – честно признался Ветеа Пито.

– Продать? И кому же?

– Тому, кто заплатит.

– И какова будет цена?

– Три места на борту «Марара».

– Этого-то я и боялся, – сказал старик серьезно, хотя было видно, что происходящее его забавляет. – Но если мы согласимся с вашим требованием, мы нарушим другой закон.

– Какой закон? – спросил Тапу Тетуануи.

– Который гласит: всем, кто не достиг совершеннолетия, запрещено воевать. – Голос старика правителя звучал подчеркнуто торжественно. – И закон этот более древний, чем тот, к которому обращаетесь вы.

– Но ведь никто и не собирается отправляться на войну. – Глаза Тапу лукаво блеснули. – Как сказал человек-память, всякая война между островами только тогда возможна, когда истечет более трех месяцев с начала безуспешных мирных переговоров. – Тут Тапу не мог удержаться и улыбнулся, обнажив крупные, как у кролика, зубы. – Насколько мне известно, никаких переговоров с этими дикарями не велось, а потому и никакой войны не объявлялось.

– Вот ведь хитрющий сукин сын! – в сердцах воскликнул Роонуи-Роонуи.

Хиро Таваеарии строго посмотрел на великого воина.

– На Совете недопустимо произносить бранные слова, – одернул его старик. – Впрочем, и в любом другом месте бранить мальчишек не стоит. Они лишь заявляют о своих правах, которые предоставляет им закон, закон, установленный наимудрейшими из наших предков. Мы обязаны уважать их требования, подумать над ними и учесть, что в конечном итоге их стремления похвальны. – Тут он снова обратился к

обеспокоенно переминавшимся с ноги на ногу молодым людям: – Кто вам рассказал об этих законах? И не пытайтесь обмануть меня. Совершенно очевидно, кто-то дал вам совет, ибо вы слишком молоды и неопытны, чтобы столь хитро вести себя, – закончил он.

Тапу Тетуануи молча показал на не принимавшего участия в дискуссии и тихо сидящего в стороне Мити Матаи.

– Он.

– Я?! – крайне удивился тот, не веря своим ушам. – Я ни с кем и никогда не говорил на эту тему.

– Да, не говорили, – легко согласился Тапу. – Но когда я спросил вас, как следует вести лодку, если плывешь против пассатов, вы ответили мне: «Нужно заполнить трюм водой, чтобы она поднялась выше ватерлинии, и чем выше, тем лучше, – так судно станет оказывать наименьшее сопротивление. Затем нужно найти попутное течение, потому что ветры в дневные часы утихают, а течения остаются все время». – С этими словами он усмехнулся и добавил: – Что мы и сделали. Мы поступили так, как вы нам посоветовали.

Мити Матаи на минуту задумался над ответом. Потом, чуть заметно покачав головой, обратился к Хиро Таваеарии, который, как и большинство присутствующих, ждал ответа великого воина:

– Это твой ученик?

Старик с гордостью кивнул:

– И очень способный.

– Теперь он станет моим учеником, – заявил Мити Матаи и обратился к членам Совета: – Как капитан «Марара» я желаю воспользоваться своим правом зачислять в команду тех людей, которых посчитаю полезными и способными. Я хочу взять в плавание Тапу Тетуануи. Я верю, что он способен к морскому делу не менее, чем к риторике. И пусть некоторые назовут его непревзойденным хитрецом или капризным мальчишкой...

Тапу Тетуануи движением руки перебил великого воина, указывая на своих товарищей:

– А они?

Мити Матаи строго посмотрел на юношей, будто оценивая их способности:

– Они тоже отправятся в плавание.

Ветеа Пито и здоровяк Чиме из Фарепити низко поклонились и уже было шагнули вперед, пытаясь упасть на колени и поцеловать ноги великого воина, но Мити Матаи решительно остановил их.

– Не радуйтесь раньше времени! – предупредил он. – Придет время, когда вы будете мечтать вернуться домой хотя бы вплавь. – Он посмотрел на Чиме: – Ты будешь сидеть на веслах, пока не сотрешь руки до крови... А ты – у тебя очень хорошая кожа – станешь моим человеком-возвращение.

– Человеком-возвращение? – испуганно произнес бедный Ветеа Пито. – Храни меня бог Тане!

– У тебя еще есть время отказаться.

Гордый ныряльщик на несколько секунд задумался, затем, посмотрев по сторонам, как бы ища поддержки и не найдя ее, наконец с видом приговоренного к телесному наказанию преступника согласился.

– Никогда я не откажусь от задуманного! – воскликнул он. – Я буду твоим человеком-возвращением!

– Хорошо! – удовлетворенно произнес достопочтенный Хиро Таваеарии, давая понять, что вопрос решен. – Теперь убирайтесь отсюда, потому что нам еще многое необходимо обсудить.

Трое товарищей, преисполненные осознания собственной важности, согласились с решением Совета и, отвесив уважительные поклоны, удалились из храма. Но как только они завернули за угол, тут же устроили на песке шумную возню: от радости они толкались, кувыркались и обнимались, словно проказливая ребятня.

– У нас получилось! У нас получилось! – крича во всю глотку, повторяли они снова и снова. – Мы уже мужчины!

Когда они наконец успокоились, то уселись в кружок, с восхищением глядя друг на друга и не веря тому, что все произошедшее было на самом деле.

– Мы едем! – воскликнул Тапу Тетуануи, который от радости находился в каком-то подобии транса. – Вы хоть представляете?! Это же самая фантастическая экспедиция из всех, что были организованы до этого, и мы являемся ее участниками! Я до сих пор поверить не могу.

– И я! – согласился с ним Ветеа Пито. – Но мы действительно многим рисковали. Если бы у нас не получилось уговорить Совет, то сидеть нам три месяца с исхлестанными задницами.

– Это точно, – согласился Тапу Тетуануи. – Но ты только представь, как тоскливо было бы оставаться на острове – нам бы пришлось готовить рыболовные крючки или рыбачить в лагуне, – зная, что в это самое время Мити Матаи второй раз находится в Пятом Круге.

– Можно было бы сойти с ума! – согласно пророкотал здоровяк Чиме, который тоже все еще не мог прийти в себя. – Однако, скажи мне, это правда, что у нас есть все эти законы?

Его друг на какую-то минуту задумался, а потом не очень уверенно кивнул головой.

– Что-то в этом роде! – смеясь, ответил он. – Ведь законы – словно облака: их все воспринимают по-своему. Если ты долго будешь уверять всех, что пойдет дождь, в конце концов тебе поверят.

– Ну а если не пойдет?

– К тому времени мы уже будем далеко, в открытом океане, – усмехнулся Тапу Тетуануи. – Я не думаю, что в нашем случае члены Совета пошли бы к человеку-память проверять, таковы ли упомянутые мной законы на самом деле. – Тут он снова не мог сдержать смеха. – Единственный, кто знает все законы, – это Хиро Таваеарии, но я был уверен, что

он не выскажется ни «за», ни «против».

– А если бы он это сделал? – любопытствовал Ветеа Пито.

– То мы бы уже давно сидели с мокрыми задами.

– Да, рискнуть стоило! – тихо проговорил Чиме. – Я думаю, что стоило!

Он хотел что-то добавить, однако внезапно замолчал. Он как загипнотизированный уставился на невероятно красивую девушку, приближающуюся к ним, – Майану. Она была настолько хороша, что одна только ее походка сводила мужчин с ума.

– Ты только посмотри на нее! – едва слышно прошептал Чиме. – Прямо так бы и съел ее, тем более что она сама готова отдать себя мне на съедение!

У Тапу Тетуануи возникло желание оторвать другу язык или своим острым, сделанным из акульих зубов ножом отрезать кое-что еще, но он был не в состоянии даже пошевелиться. Он так и сидел замерев, пока очаровательное создание не одарило их своей ошеломляющей улыбкой и не уселось рядом с ними.

– Я только что обо всем узнала, – сказала она. – Вы прекрасны! – С этими словами она подняла руку, призывая ребят к молчанию, и спокойным тоном, в котором, однако, слышались взволнованные нотки, продолжила: – Я пообещала Тапу, что выйду за него замуж, если Мити Матаи возьмет его в ученики. Но то же обещание я дала и вам, с условием, что

одного из вас возьмут на «Марара». – Она глубоко вздохнула. – Признаю, я вела себя глупо, но мне и в голову не могло прийти, что в команду возьмут вас троих.

Юноши окаменели. Удар, который нанесла им девушка, был слишком силен. Они не верили, что сейчас может осуществиться сокровенная мечта одного из них, в то время как двое других останутся ни с чем.

– Ты не имела права! – возмутился Чиме.

– Я знаю! – признала девушка. – Я вела себя безответственно, но и вы должны согласиться: никто бы и подумать не мог, что вас возьмут в команду, всех троих!

На каждого она посмотрела в упор своими огромными черными глазами, и от взгляда ее юношей бросило в дрожь.

– Теперь же, в награду за ваше мужество, я готова поклясться в верности вам троим, и сделаю я это с огромной радостью в сердце. – Она нежно улыбнулась. – Вам троим!

– Троим?

– Да, троим, – твердо повторила Майана. – Начиная с этого самого мгновения, никто, кроме вас троих, не коснется меня, а в день возвращения корабля я стану женой того, кто к тому времени не передумает жениться на мне.

– А если мы все не передумаем?

– Сомневаюсь. Экспедиция будет долгой, и ко времени вашего возвращения я превращусь в малосимпатичную толстуху. Но даже если мне удастся сохранить красоту, мы постараемся найти самое справедливое, удовлетворяющее всех

решение. – Она снова улыбнулась. – А сейчас было бы глупо о чем-то договариваться.

– И сколько же ты будешь ждать?

– Если я говорю всегда, значит, всегда. – Голос Майаны звучал решительно. – Я буду хранить вам верность, даже если вы никогда не вернетесь. Я познала всех мужчин острова, каких только хотела познать, и я не единственная женщина на острове, которой придется привыкать спать одной.

Юноши переглянулись. Каждый из них мечтал уйти в плавание, получив Майану в жены, но если этому не суждено было случиться, то было в тысячу раз лучше знать, что красавица ждет их возвращения, а не развлекается каждую ночь в объятиях очередного любовника. Короче говоря, предложение Майаны полностью устроило юношей.

– А жаль, что ты не вдова! – вдруг пробормотал Ветеа Пито. – Тогда бы ты могла поехать с нами.

– Не думаю, что это бы тебе понравилось, – тихо ответила она. – Да и мне тоже! – Затем она страстно посмотрела на юношей, и взгляд ее обещал им поистине райское наслаждение. – Приходите ко мне по одному каждую ночь. Я хочу еще долго быть довольной.

Поднявшись на ноги, она медленно зашагала по краю приюта. Трое друзей долго смотрели ей вслед, пока изящная фигурка не превратилась в едва различимую вдали точку.

Переглянувшись, они поняли друг друга без слов.

– Главное, нам нужно вернуться живыми, – проговорил

наконец Тапу Тетуануи, высказывая тем самым общие мысли. – А если вернемся, то, может, кто-то из нас передумает, как она и сказала... – Он неуверенно пожал плечами. – Ну а если нет, то пусть Майана сама решит, кого хочет видеть своим мужем.

– Это что, тоже клятва? – с удивлением спросил Ветеа Пито.

– Для меня да.

Ветеа Пито положил ладонь на песок, Чиме положил руку сверху, а Тапу Тетуануи накрыл их руки своей. Несколько минут они сидели, не произнеся ни слова, понимая всю важность происходящего. Наконец Тапу произнес:

– Кто первым поймает краба, тот проведет с ней эту ночь, второй – завтрашнюю, а последний придет к ней послезавтра. Идет?

– Идет!

Они вскочили и наперегонки припустились к скалам.

Наконец-то «Марара» был готов.

Церемония спуска на воду большого корабля – а «Марара» был самым красивым и самым большим из всех когда-либо построенных на Бора-Бора кораблей – была самым настоящим ритуалом, проводившимся в полном соответствии с однажды установленными правилами. С помощью этого ритуала моряки стремились добиться благосклонности бога океана, который должен был во время путеше-

ствия защищать корабль от тысячи опасностей, неизбежных в таком долгом плавании.

Согласно древним традициям, необходимо было совершить человеческое жертвоприношение, посвященное богу Тане. Тем самым моряки как бы говорили: мы в твоих руках, Тане, и наши жизни зависят только от тебя. Но на острове не оказалось ни военного пленника, ни безнадежно больного, ни умирающего старика, находящегося в бессознательном состоянии. Взгляды всех собравшихся одновременно устремились на ненавистное звероподобное существо. Однако Мити Матаи не позволили принести великана в жертву, объяснив, что татуировка на его теле является слишком ценной и народ Бора-Бора не может просто взять и уничтожить ее.

– Мы пока еще не до конца разгадали все ее секреты, – сказал он. – Я хочу забрать его с собой. Возможно, люди с далеких островов смогут рассказать нам о его родине, увидев эти рисунки. Я знаю, что он заслуживает смерти, как никто другой, но мы не можем убить его.

– Я отказываюсь спускать корабль на воду, если не будет совершено жертвоприношение, – упорствовал Теве Сальмон. – Если вы поступите по-своему, уверен: корабль не дойдет даже до берегов острова Раиратеа.

– В таком случае найдите другого, – безапелляционно заявил Мити Матаи. – Мне этот дикарь нужен.

Роонуи-Роонуи предложил срочно организовать вылазку

на соседний остров с целью захвата пленника, но Хиро Таваеарии решительно отверг его предложение.

– Впервые за многие годы мы живем в мире с нашими соседями, – сказал он. – И как мне кажется, глупо рисковать этим миром в момент, когда наши самые лучшие воины готовятся к длительному походу. – Он сделал короткую паузу. – Мы должны вести себя так, словно ничего не произошло. Никто не должен знать, что наш остров остается незащищенным.

– Говорят, что старый Тракки уже полностью лишился рассудка... – не слишком уверенно произнес татуировщик.

– Два его сына пойдут с нами, – как всегда резко, перебил его Роонуи-Роонуи. – С какой душой они ступят на борт, зная, что киль корабля прошелся по их отцу?

Очевидно, это была одна из самых трудных ситуаций, с какими приходилось сталкиваться достопочтенному учителю молодого Тапу Тетуануи. У него не было никакого желания приговаривать к смерти невинного. Но ему также не хотелось, спустив корабль на воду, рисковать жизнями тридцати человек. Он не мог пренебрегать покровительством всемогущего и мстительного бога Тане.

– Я подумаю, – сказал он наконец. – Завтра я объявлю о своем решении.

Сидя на веранде своей хижины, он провел всю ночь без сна. Старый Хиро неотрывно смотрел на лагуну, над которой висела огромная луна, придававшая окружающему пейзажу

волшебные очертания. Когда на следующий вечер Совет собрался вновь, он предстал перед ним, пристально посмотрел в глаза Мити Матаи, и с напускным спокойствием спросил:

– Тебе действительно нужен этот дикарь?

Тот ответил утвердительно:

– Если мы рассчитываем хоть на какой-то успех, то он мне нужен.

– А тебе нужен лично он или его татуировка?

– Лично мне он ни к чему, – ответил великий навигатор. – Он не может говорить и лишь грозно рычит в ответ на все наши вопросы. А вот татуировка его является чрезвычайно ценной.

– Хорошо, – кивнул старик. – Мне неприятно принимать такое решение, но оно окончательное: пленник должен быть принесен в жертву богу Тане, а его кожа должна быть выдублена и выделана так, чтобы члены экспедиции могли взять ее с собой.

– От этой кожи будет мало толку, если по ней пройдет «Марара».

Старый Хиро, которому неприятен был этот разговор, ответил, возможно, чересчур резко:

– Кожу снимут до того, как по нему пройдет корабль. Пусть об этом позаботится Хини Тефаатау.

Над островом повисла мертвая тишина. Присутствующие переглянулись: во взгляде одних читалось недоумение, во взгляде других – ужас, ибо последние слишком хорошо по-

няли, что ждет пленника.

Потом отец Тапу Тетуануи, заикаясь, срывающимся, почти писклявым голосом произнес:

– Вы хотите сказать, что Хини Тефаатау должен будет снять с него кожу живьем?

Достопочтенный старец посмотрел на него грустным, смиренным взглядом.

– А какой еще выход вы мне оставляете? – спросил он. – Одни требуют оставить пленника в живых, потому что им нужна его кожа, другие отказываются садиться в корабль, если не будет совершено жертвоприношение... Единственное, что я в состоянии сделать, так это отделить кожу от тела.

– Такого зверства на Бора-Бора еще никогда не совершалось, – взмолился Амо Тетуануи. – Это останется в памяти людей до скончания веков.

– Никто не будет помнить о случившемся, если человек-память об этом никогда не заикнется, – ответил Хиро. – В конце концов, на это нас толкнули сами варвары. Никто не заставлял их убивать нашего правителя и увозить наших женщин. – Ответом ему стала гнетущая тишина. – Что они с ними сделали, не знаю, – чуть помолчав, продолжал старый Хиро. – Но думаю, что некоторые из женщин согласились бы, чтобы с них содрали кожу живьем, лишь бы только избавиться от страданий, которые причиняют им дикари. – Он встал, давая понять, что собрание Совета закончено. – Это мое решение. Я несю за него полную ответственность. Да бу-

дет так!

Хиро Таваеарии удалился в сторону своего дома с низко опущенной головой. Выглядел он необычайно усталым и казалось, что за этот вечер он постарел лет на двадцать. После его ухода устремили взгляды на изменившегося в лице и дрожащего Хини Тефаатау, сидящего в последнем ряду.

– Да спасет меня Таароа! – со слезами на глазах взмолился он. – Никогда не думал, что мне придется с человека снимать кожу, пусть даже и с такого чудовища, как наш пленник.

Сейчас даже суровый Теве Сальмон раскаивался в том, что настоял на человеческом жертвоприношении. Но решение было принято, и всем оставалось только подчиниться жуткому приказу.

В эту ночь Тапу Тетуануи не был в настроении предаваться любовным утехам – впрочем, так же как и Майана. Поэтому они просто лежали на пляже, обнявшись, и не решались произнести вслух то, что тревожило обоих.

– Как думаешь, сколько времени может прожить человек без кожи? – первым нарушил молчание Тапу.

– Не знаю, – ответила Майана. В голосе ее слышалось плохо сдерживаемое негодование. – Но сколько бы он ни прожил, все это время он будет страдать так, как никто еще на этом свете не страдал. – Она глубоко вздохнула. – Сомневаюсь, что корабль, рожденный под символом ужаса, ждет счастливая судьба. – Она нежно погладила возлюбленного и сказала: – Я боюсь за тебя.

– Только за меня?

– Боюсь за всех вас, – откровенно ответила девушка. – На этом корабле собираются отплыть трое мужчин, которых я люблю, а еще мой дядя, два двоюродных брата и большинство моих лучших друзей...

Она села на песок и посмотрела на только что появившуюся над горизонтом луну.

– Когда вы будете в океане, нам придется очень много молиться, – добавила она. – Очень много!

– Красивая луна, – после долгого молчания прошептал Тапу. – Очень красивая. Я буду думать о тебе каждый раз, когда увижу, как она катится по небу, поднимаясь на горизонте и скрываясь в водах океана. – Он запустил пальцы в ее шелковистые черные, спадающие до пояса волосы. – Если бы ты меня любила хоть вполовину так же сильно, как я люблю тебя.

– По меньшей мере на треть-то я тебя люблю, – ответила шутливо девушка. – А может быть, я люблю тебя даже больше, так как говорят, что женская любовь во много раз сильнее, чем мужская. – Она внимательно посмотрела на него. – Ты бы смог разделить любовь ко мне с Чиме и Ветеа Пито на всю жизнь?

Тапу ответил не сразу, но после долгих раздумий произнес:

– Не думаю, что был бы счастлив... Но если быть откровенным, то соглашусь, что третья часть твоей любви все же

лучше, чем целая любовь, но другой женщины.

– Жаль, что закон не разрешает выходить замуж сразу за троих мужчин! – воскликнула Майана. – Это было бы отличное решение.

– Какие у меня шансы, что ты выберешь меня? – с нескрываемой страстью в голосе спросил Тапу.

– Один из трех, – честно ответила она. – Точно, один из трех.

Двумя днями позже жители всего острова готовились с размахом отпраздновать спуск на воду «Марара». Но в отличие от подобных церемоний, проводившихся в прежние времена, на сей раз в воздухе витало напряжение. С самого рассвета шел серый, ни на секунду не прекращающийся дождь, будто само небо скорбело по человеку, приговоренному к столь страшной смерти.

Звероподобное существо, похоже, понимало, что с ним должно произойти нечто ужасное. Во взглядах тех, кто все эти дни смотрел на него с явной ненавистью, неожиданно проявилось неприкрытое сострадание, заставившее дикаря содрогаться от предчувствия надвигающейся беды.

А беда – всегда беда, какой бы она ни была и как бы мы ее себе ни представляли.

Связанного по рукам великана отнесли к бухте Фарепити. Он увидел большой корабль, готовый к спуску на воду, и различил ряд широких перекладин, уложенных на берегу параллельно друг другу и спускающихся к самому океану. За-

метив, что на этих перекладах установлена толстая доска с отверстиями для веревок, он понял, что его судьба – умереть, будучи раздавленным левой частью гигантской лодки, которая пронесется по нему всеми своими четырьмя тоннами и оставит от него лишь кровавое месиво.

Всем показалось, что он вздохнул с облегчением.

Великан действительно успокоился. Он с самого начала понимал, что обречен на смерть, и предстоящая церемония должна была раз и навсегда положить конец его страданиям.

Почти с самого рассвета жители острова начали группками собираться на пляже. Они нарядились в свои самые лучшие, достойные столь торжественного случая наряды и украшенные перьями накидки. У многих на шеях висели гирлянды из цветов. Приглушенные звуки барабанов и пронзительные – длинных флейт, на которых так нравилось играть Тапу Тетуануи, казалось, не радовали, а, наоборот, еще сильнее угнетали присутствующих. Вот-вот должно было начаться кровавое жертвоприношение, которое никому не было по нраву. И еще все прекрасно понимали, что со спуском «Марара» время побежит быстрее и уже совсем скоро им надолго, если не навсегда, придется расстаться с близкими людьми.

На Бора-Бора практически не оставалось ни одной семьи, в которой кто-то не собирался бы подняться на борт гигантского корабля и отправиться на поиски таинственного острова, прямо в ужасные, таящие многочисленные опасности

земли Пятого Круга, откуда удалось вернуться лишь одному Мити Матаи. Поэтому казалось, что барабаны и флейты играли похоронную мелодию, и их стенаниям вторил плач падающего дождя.

Не оказывающего сопротивление пленника повалили на доску. Но когда великан заметил приближавшихся мужчин – не сомкнувшего за ночь глаз Хини Тефаатау и двоих его помощников, сжимавших в руках длинные ножи, сделанные из острейших створок раковин жемчужниц, – он понял, что должно произойти на самом деле. Дикарь начал страшно выть, вырываться и выкрикивать нечленораздельные ругательства.

Жуткая картина запечатлелась навсегда в памяти тех, кто не отвел глаз и досмотрел до конца жуткое представление. И когда дрожащий Хини Тефаатау пошел в сторону собравшихся, неся в руках окровавленную кожу несчастного, на доске лежала бьющаяся в конвульсиях предсмертной агонии куча красного мяса.

Хиро Таваеарии поспешно отдал команду обрубить чалки⁶, и «Марара» быстро пронеслась по дрожащему телу дикаря, положив конец страданиям несчастного.

Два форштевня-близнеца⁷ наконец разрежали воду, и корабль мягко закачался на волнах в спокойной бухте Фаре-

---

⁶ Причальные канаты, тросы. – *Примеч. ред.*

⁷ Форштевень – брус, образующий переднюю оконечность судна, продолжение киля в носовой части. – *Примеч. ред.*

пити. Впервые в жизни маленькие глазки Теве Сальмона не смотрели на построенный им корабль.

За печальным концом своего злейшего врага все следили с опущенными головами.

И тут в гнетущей тишине неожиданно раздался громкий голос Мити Матаи. Все мужчины, женщины и дети Бора-Бора постепенно собрались вокруг него, затянув песню-молитву:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.